

Фридрих Незнанский

Серьезные люди

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Серьезные люди

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Серьезные люди / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Возвращение Турецкого)

Плетнева преследует неизвестный. И со всех сторон сыплются несчастья, в течение суток он дважды оказывается под арестом. Разобраться в странном деле берутся сотрудники агентства «Глория», руководит их розыскными мероприятиями Турецкий, который выясняет, что против Антона задействована бандитская группировка.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава первая

На душе у Плетнева было скверно, хуже не бывает. Уже вечерело, операция, как он знал, закончилась в 4 часа, прошла она удачно. В коридоре перед операционной он успел перемолвиться буквально двумя фразами со Светланой. У той был вид растерянный, но глаза улыбались.

– Доктор совершил чудо, он волшебник...

– Между прочим, это его дело. Его учили этой профессии. Одних учат убивать, других учат возвращать людям жизнь – у каждого своя профессия.

Светлана помрачнела.

– Я бы этим не гордилась.

– А я и не горжусь, я свое сделал. Ну, так когда мы встретимся? В котором часу за тобой заехать? Я понимаю, что ты не оставишь Игорька, посидишь какое-то время, но отдыхать-то все равно надо. Так что, как обычно?

– Знаешь, Антон, у меня могут возникнуть некоторые непредвиденные обстоятельства на сегодня, поэтому я думаю, что будет лучше, если мы нашу с тобой встречу перенесем ну хотя бы на завтра.

Антон ничего не ответил. Он постоял, кивнул и ушел.

И вот уже вечереет, часы показывают шестой час. Положив подбородок на руль, он уже не меньше часа следил за дверьми госпиталя в надежде увидеть Светлану. Чувствовал, что устал от ожидания.

Нет, что-то не то происходит на свете, в чем-то он снова допустил крупную ошибку. По правде говоря, он был не в себе. Мысли путались, и он сам чувствовал, что его заносит в сторону. Он прекрасно понимал, что всякое доброе дело заслуживает благодарности. Дело же, которым занимался он последние дни, заслуживало особой благодарности. И он ее получил. Больше того, столько, что до сих пор, по большому счету, не мог опомниться. Но одновременно и другая мысль гвоздем торчала: те некоторые права, которые, как ему казалось, он уже получил на эту женщину – прекрасную, невероятную! – он уже готов был распространить гораздо дальше, в чем, как он сейчас понял, и заключалась его очевидная ошибка.

Существовало объективное препятствие: в клинике лежал больной мальчик, ради которого эта женщина существовала и сама, и готова была благодарить всех, кто оказывал ей помощь в его спасении. Черт возьми, не хотелось бы так думать, но наверняка существует особый разряд людей, которые такого рода формы благодарности делают своей профессией. Это, конечно, очень грубо, очень не хотелось бы думать о Светлане именно так, но резкие перепады ее настроения, ее внезапное неприятие его участия, как будто он был посторонний человек, неожиданные препятствия, которые возникали, когда речь заходила о встречах, – все это указывало на то, в чем Плетнев боялся оказаться правым.

Да, он помог ей в очень серьезном деле. Он поймал бандитов, ограбивших ее, он вернул все деньги, которые ушли на лекарство для ее Игорька. Но, может быть, она решила, что так и должно было быть? Она была удивительна, она была невероятно прекрасна до того момента, когда они поехали на Кожуховскую набережную за проклятыми редкими лекарствами, а затем привезли их в клинику. И, выйдя от доктора, она сказала Антону, что большего для нее не смог бы сделать даже сам Господь Бог. Ну да, в такие минуты люди бывают наивно откровенны и сами верят тому, о чем говорят. Но ведь затем же была ночь, эта сумасшедшая, невозможная ночь, когда Плетнев буквально терял сознание от переполнявшего его счастья.

Антон поражаало, что он вот так, почти лежа грудью на баранке руля, до галлюцинаций ощущал в руках сумасшедшее тело Светланы. Его жесткие пальцы, привыкшие к железу и ружейной смазке, с потрескавшейся кожей ладоней, вдруг с поразительной нежностью ощу-

тили наяву тугую напряженность чуточку шершавых ее икр, глубокую, проникающую жажду горячих бедер, неожиданную жесткость и силу изогнувшейся в страстном изгибе спины. Это было что-то невероятное, дьявольское, как бред наяву, потустороннее, невозможное. Но оно же было – оно стонало и билось в его жестких тисках, оно млело и растворялось на губах от бесконечно длящихся поцелуев.

Могло показаться, что эта женщина отдавалась мужчине в первый и последний раз в жизни, желая испытать одновременно и страсть и боль, отдавалась мужчине, которого боготворила, после чего должен был остаться мрак и тяжелое отсутствие каких бы то ни было физических ощущений.

И все это чудо было в его руках только что. Ну... недавно.

Изголодался ты, Плетнев, по крутой женской ласке, ишь, чего уже мерещится! Но ведь было же, – с жаром возражал он себе. – Или приснилось?

Чудо держал в руках, тискал, и оно стонало от страсти, казалось, чтоб так влюбиться, нужны были безумные силы и желания. Но и то и другое исполнялось немедленно, мгновенно, будто две души, как и два желания, переполнявших их, сливались каждый раз воедино.

И все оказалось-таки сном, отдающим бредом. Но как же руки? Они-то ведь все помнили!..

Горбясь от давившей на плечи тоски, он продолжал уже с болезненным упрямством ждать. И дождался. Совсем стемнело, когда Светлана вышла из дверей и в ожидании остановилась на ступеньках широкой лестницы. Кого она ждала? Его? Он быстро дважды мигнул фарами, как мигал вчера. Она должна знать и запомнить. Но она продолжала стоять в каком-то странном отчуждении. Плетнев вышел из машины и только тут заметил, что стоящий через один от него большой черный автомобиль точно так же дважды призывно мигнул фарами.

Светлана продолжала стоять, словно в задумчивости, и не торопилась бежать к Плетневу, а решительно направилась в сторону. Тогда он, широко шагая по ступенькам, сделал попытку преградить ей путь, успел, взял за руку, посмотрел в сумрачное лицо. Или темнота делала его таким.

– Что-нибудь случилось? Ведь вроде уже все в порядке. И доктор твой говорил, что никаких эксцессов не ожидается.

Она молчала, понутив голову, будто не знала, что ответить. И, наконец, вздохнув, сказала:

– Понимаешь, обстоятельства несколько изменились...

– Какие еще обстоятельства? Что случилось? Ну, говори же, не молчи! Или ты считаешь меня вообще посторонним человеком?

– Ну, хорошо, – решительно ответила она, – я скажу тебе всю правду. Игорьку предстоит еще одна, более сложная операция. И доктор обещал сделать все, что от него зависит. Антон, я понимаю, о чем он говорит, и вынуждена объяснить тебе, если это еще непонятно, что жизнь сына мне дороже всего на свете. Прости меня. Ну, так получилось. И ты сам не можешь отрицать того, что моя благодарность тебе была бесконечна.

– Бесконечного, Света, ничего не бывает. Все однажды кончается, просто надо об этом говорить честно, хотя бы между друзьями. Мне жаль, что так получилось. От тебя здорово припахивает коньячком.

Ну да, правильно, она же обмолвилась вчера, что доктор в ответ на ее резонный вопрос: «Сколько он сам возьмет за операцию?» – усмехнулся и сказал: «Если все пройдет отлично, на что я стопроцентно надеюсь, мы с вами вдвоем разопьем бутылочку прекрасного коньяка. Вот это и будет вашей благодарностью. На том и покончим и расстанемся друзьями».

– Ты меня прости, Антоша, но мне это надо, мне это очень нужно, Антон. Если ты поймешь, о чем я говорю, постарайся простить меня.

Значит, врал доктор. Коньячком в таких делах не отделаешься, судя по той мрачной решительности, с которой Светлана собралась уже броситься в его машину, словно спасаясь от глупых и ранящих душу вопросов Антона.

Он повернулся и пошел к своей машине, не попрощавшись, даже не кивнув. Она осталась на лестнице, но недолго. Усевшись за руль, Антон увидел, как усиленно и настойчиво замигали фары черного автомобиля, после чего Светлана, словно делая решающий шаг, быстро направилась к нему и впорхнула в уже открытую для нее дверь, а не села в нее, как нормальная женщина.

Первая мысль Антона была проследить, куда они едут. Он мог, конечно, предположить, но очень бы этого не хотелось. И тогда, когда черный «мерседес» боком прошел мимо него и вырулил на трассу, он не шевельнулся, а так и остался за рулем.

Неожиданно «мерседес» остановился, вышел водитель и направился к нему. А вот это было уже что-то новенькое! Мужчина, в котором Антон узнал доктора, подошел к его окошку, постучал в стекло, чтобы водитель открыл, и серьезно сказал:

– Вы извините, Светлана, вероятно, забыла вам напомнить...

Он уже зовет ее Светланой, вспыхнуло в мозгу Плетнева.

Он молчал. Доктор непонимающе посмотрел на него и добавил:

– Ведь это же вы обещали ей достать то редкое швейцарское лекарство, которое я написал на бумажке, или она вам не передавала моей просьбы?

– Не помню, по-моему, она мне ничего не передавала от вас.

– Но ведь от этого же будет зависеть дальнейшее лечение. Неужели вам безразлична судьба Игорька?

– Доктор, вы мне напомнили одного моего старого знакомого. Я, видите ли, волею судьбы был заброшен в Центральную Африку, где осуществлял роль военного советника в одной из воюющих армий, поддерживающих дружбу с Советским Союзом. Так вот, в нашей бригаде, где, как вы понимаете, лишних и ненужных быть просто не могло, нашлась-таки одна сволочь, которая пыталась использовать наше боевое умение в своих целях. Скажу вам, доктор, довольно низменных, даже вспоминать неприятно.

– А к чему весь этот разговор, к чему ваш рассказ?

– А к тому, доктор, что мы того мерзавца забыли в джунглях. Ну, случайно, так получилось. Командир, им был я, получил взыскание от начальства. А потом местные ребята из взвода разведки указали нам место, где находился обглоданный труп, судя по волосам, белого человека.

– Не понимаю вас. Это какое-то живодерство? И вы этим гордитесь?

– Нет, не горжусь, доктор. Но я неожиданно обнаружил между тем сукиным сыном и вами некоторое неприятное сходство. Тот тоже совершал добрые дела, используя при этом запрещенные приемы, которыми не должен гордиться мужчина.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ну, если вы до сих пор не поняли, объясню проще. Я люблю Светлану, доктор. А вам она нужна для обыкновенной утехы. Очевидно, это и было условием вашего договора об удачной операции. Поэтому очень советую вам самому позаботиться о редком швейцарском лекарстве, и, если вы его не достанете и мальчику станет плохо от этого, вы сами можете себе представить, что тогда с вами произойдет.

Доктор засмеялся:

– Интересный вы тип. И вы что же, собираетесь меня в джунгли отправить на перевоспитание?

– Нет, доктор, вам этого не понадобится. А Светлане скажите, что Плетнев всегда держал свое слово, если давал его людям, даже таким, которые ему не нравились. Это не условие

сделки, это жизнь, доктор. А теперь отойдите от моей машины, потому что ваши глаза и ваши пальцы могут еще понадобиться другим вашим пациентам.

Антон закрыл стекло и тронул машину. Доктор побежал к своему «мерседесу» и быстро уехал.

И снова в голове Антона, как старая, затертая магнитофонная запись, прокрутилась фраза Светланы: «Ты знаешь, Антоша, я безумно тебе благодарна, я никогда не испытывала такого счастья с мужчиной, которое пережила сегодня с тобой. Но у меня Игорек, и я ничего не могу с этим поделать. А доктор обещал вернуть его к жизни...»

Да что тут непонятного, черт возьми? Ну конечно, ведь доктор будет делать операцию, и он обещал ей лично постараться, но зачем тогда этот базарный разговор о лекарстве? Подонок он, этот докторишка, и не стоит о нем больше думать. Вот Светку жалко. А ведь такие планы могли возникнуть.

Вот теперь уже Антон полностью осознал, что все задуманное им было абсолютным бредом, сумасшествием, помутнением ума. И сам он выглядит, как полный дурак, который понастроил себе множество никому не нужных воздушных замков. Из них даже мыльные пузыри не получаются. И уже прекрасно понимая свое полное фиаско, Плетнев вдруг дернулся: догнать, посмотреть, может быть, все это бред и любезный доктор просто взялся довести ее до дома, может быть, коньячком все и кончится?

А потом напала апатия. Зачем догонять? И задатки сыщика, заложенные в нем, сказали: «Ты свое получил и на большее не надейся. Сделал доброе дело – получил добро в ответ. Поблагодари тетю, простись с ней и скажи, что, когда ей будет снова плохо, она может опять возвратиться за его помощью, – уж, видно, так устроены некоторые тети». Жаль, что они так прекрасны при этом...

Но холодный голос рассудка остановил. Не мучайся и не валяй дурака. У тебя своя жизнь, у нее – своя. У нее больной сын, у тебя сорванец Васька, чуть помладше Игорька. Антону думалось, что его такой внезапной вспыхнувшей любви к Светлане будет достаточно для того, чтобы примирить и сблизить эти две противоположные, противостоящие силы. Сильный должен заботиться о слабом. Слабый делает сильного еще сильнее. Если отношения замешаны действительно на любви, то... То ни черта не получится. Нету ни силы, ни воли, ни желания.

Что же делать? Темно. Ехать? Куда? Сашка занят. Они с Филиппом решают сегодня французские проблемы той девчонки, которой целое государство мешало сделать простое доброе дело. Но они молодцы, у них получилось. В агентстве наверняка все разошлись. Сева и Демидыч давно по семьям. Алевтина, как обычно, наводит последний марафет среди бумажек. Может, Щербак задержался?

На всякий случай набрал номер. Николай оказался на месте. Спросил, как дела, как успехи на боевом фронте спасения младенцев.

Прозвучало шутливо, но Плетнев мрачно ответил:

– А никак. Все закончилось, закончилось полным фиаско, если иметь в виду длительный процесс. А так, в принципе, ну что ж, каждому свое.

– Ты хочешь сказать, – усмехнулся Щербак, – что каждый уже получил свое и все пошли домой?

– Ой, Коля, скажи, а ты не мог мне оказать одну дружескую услугу?

– Что надо сделать? – немедленно спросил Щербак.

– Ты не занят?

– Я не занят, я совсем не занят. Вот сейчас Алевтина пойдет домой наконец, я запроу агентство и свободен как ветер, если такой ветер, как я, тебя может устроить.

– Давай встретимся где-нибудь в центре, чтоб посидеть, перекинуться. Или можно здесь, в районе Хамовников. Тут же всякие забегаловки, пивнушки. Посидим, поболтаем, пивка попьем.

– А-а-а-а, – протянул догадливый Щербак, – все понятно, все с тобой понятно. Наверное, Элкины прелести все-таки не дают покоя нашему герою? А ты что, хочешь пригласить ее провести с нами вечер?

Плетнев подумал: «А в самом деле, почему нет? Почему действительно нет? Почему не эта толковая баба, добрая и сердечная, которая смотрит на него с восторгом и от коленок которой глаз невозможно оторвать? Ну, так что ж, если она дома, если она одна, если она свободна, то, разумеется, и у нее обязательно появится подобное желание, то все возможно».

– Знаешь, Коля, ты там заканчивай свои дела, садись в свою тачку и жди моего звонка, а я сейчас договорюсь с Элкой, и, если все будет удачно, мы просто выберем какое-нибудь уютное местечко, где и встретимся. Не возражаешь?

– Полностью – за, но с небольшим дополнением. Я просто уверен, что у Элки есть такая же, как она, умопомрачительная соседка, против присутствия которой я бы никак не возражал.

– Итак, я перезваниваю, выясняю диспозицию и объявляю пункт сбора, а ты, чтобы не терять времени, двигай в нашем направлении. Я, кстати, недалеко от Элки, в Хамовниках. Идет?

– Подходит такой вариант, все равно делать нечего. Только не забудь о приятной подружке.

Плетнев немедленно перезвонил Элеоноре Владиславовне, так он величал Элку официально. Спросил, как здоровье, свободное время имеется ли? Нет ли тупой потери времени в ожидании гостей или еще каких-нибудь вещей, которые бы удерживали ее прочно дома? Элка долго молчала, потом со смехом ответила, причем ответ был интересен сам по себе:

– Кажется, нам не повезло, и не повезло основательно, не так ли, дорогой?

– Так, – вынужден был сознаться Плетнев.

– Ну, так в чем же дело? Я предвидела и такой случай. Помнишь, я тебе еще в самом начале сказала: не клади глаза туда, куда не надо. Ты посмотри, рядом с тобой чего? А ты начал мне про какие-то коленки, нес какую-то ахинею, что не видишь дороги из-за них, что они тебя отвлекают, но разве в этом было главное? Слушай, Плетнев, ты получил то, что хотел? Ты остался этим доволен? И все правильно. Светка – такой человек, ей дело важнее. Будь на твоём месте не ты, а кто-то другой, кончилось бы тем же самым. Я слишком хорошо, хотя и не так давно, знаю эту смиренную наивность. Но твой звонок-то чем вызван? Ты что, действительно хочешь меня видеть? Неужели?

– Знаешь, Элка, мне чего-то здорово сегодня на душе тяжело. И вот я подумал если: есть тяжесть, если есть неподалеку один, второй, третий друг и мы можем, собравшись вместе, эту тяжесть не то чтобы разделить на троих, но сбросить на время вместе с пивной пеной, слудь – и все. Так почему б нам этого не сделать? Как ты согласишься на такой вариант?

– Что ж, вариант меня вполне устраивает. Тем более что я собиралась пригласить тебя на хороший обед. Я одна, совершенно одна и совершенно готова к любым... Ну, ты знаешь, к чему я готова. Я всегда готова. Да, кстати, слушай, Антон, а тебе обязательно каких-то гостей надо?

– Да нет, дело в том, что я с Колей разговаривал, пообещал, что мы сегодня с ним после работы по кружечке пивка перекинем, ну так, немного стресс сбросить, все-таки день был сумасшедший, сама знаешь. Ну, а потом еще этот не самый приятный финал, а потом...

– Ага, значит, обо мне ты вспомнил потом, когда все было уже расписано, рассчитано, и уже все было готово, но планы сорвались. Некрасиво, Плетнев, ох, как некрасиво по отношению к женщине, которая относится к тебе не так уж, в общем, и плохо.

– Согласен. Каюсь.

– Этого мало, Плетнев. Ты ведь знаешь, что я тебя глубоко уважаю и отчасти, могу искренне в этом сознаться, люблю, Плетнев.

– Вот это другой разговор. Любовь – это приятная тема.

– Короче, чего ты хочешь? Ты рвешься ко мне или ты хочешь меня куда-то утащить?

– Я бы предложил такой вариант: тут где-то неподалеку есть у вас какой-то кабачок, не то чайный дом, не то кофейня, где можно выпить и немножечко перекусить. По-моему, где-то на углу Комсомольского проспекта и какой-то из Фрунзенских улиц. Не знаю, у вас там полно всяких забегаловок. И все это я предлагаю только с единой эгоистической целью – не заставлять тебя в день моей великой печали заниматься хозяйственными заботами. Горевать так горевать, но чтоб дым столбом, чтоб дуракам завидно стало. А там решим. Или, может быть, в районе Лужников? Выбери сама и скажи. Ты мне, а я перезвоню Щербак, который сидит уже на гвоздях от нетерпения. И вообще, я думаю, нам нужно немножко оторваться, отпустить вожжи, а потом, если удастся, и продолжить вечеринку в более тесном кругу. Кстати, мой друг Николай Щербак почему-то высказал уверенность, что у Элки, этой прекрасной Элки, не может не оказаться симпатичной подружки. А если таковая есть, ты ж представляешь, веселья вдвое и вообще всего вдвое. Как ты посмотришь на такую философскую постановку вопроса?

– Как смотреть на такую постановку? Кадрите, ребятки, кадрите, мальчики! Ладно, сейчас загляну к Галке, и если она дома, то можете быть уверены – скучно не будет.

– А она хоть ничего?

– Нахал! Так про женщин не говорят! Она не просто ничего, она очень даже ничего.

– А почему же я до сих пор о ней не слышал?

– А потому что ты, наглец, немедленно положил бы глаз на нее. А так я была в полной уверенности, что ты не спустишь глаз с меня.

– Хитра, хитра. Ладно, девушка, все понятно. Тогда я тебя прошу вот о чем: быстренько прозондируй свой вопрос, назови мне место встречи, я перезвоню Николаю. Ему от центра ехать долго, да и мы не будем торчать без дела. Я на телефоне, жду твоего звонка.

Плетнев невольно двигался в направлении дома, в котором проживала в Хамовниках Элеонора Владиславовна, и поэтому ее звонок застал его почти у ее подъезда.

– Я здесь, – ответил он. – А ты готова?

– Мы готовы. А где твой кавалер?

– Мой кавалер будет готов там, где вы назовете место.

– Мы едем в домик на Комсомольском, я тебе покажу. Там хорошие ребята, они меня знают, обслуживают легко и быстро.

– Прекрасно. Эксцессов не предвидится? Я имею в виду события национального порядка. Я ведь знаю, как реагирует Северный Кавказ на благодатные и роскошные формы Южной России. Говоришь, хорошие ребята, и тебя знают?.. Но, с другой стороны, могут же им не понравиться кавалеры. Они, поди, и драку затеять захотят. А в такой день это было бы очень неуместно.

– Да перестань, нормальные ребята, обслуживают хорошо, знаю я их прекрасно. Все там будет спокойно.

– Ну, я на тебя полагаюсь. Так спускайтесь, я звоню Николаю.

Они вышли из подъезда, Плетнев выбрался из машины, поздоровался с приятной женщиной, которая назвала себя Галей. Нет, ну конечно, ни в какое сравнение с Элкой она не шла. Элка – это своеобразная кариатида, это образец женщины в лучшем понимании смысла этого слова. Женщина, в которой есть все: разум и все, что к нему положено.

А Галя была поспокойнее, потемнее, постройнее, ну, наверное, тоже хорошая девушка. Вспомнил тут же Антон, что Света ему также сначала показалась худой и нескладной, невзрачной. Но после первого поцелуя еще в машине... у-у-у-у, как поплыли его глаза! Куда он сам поплыл! А дома вообще было нечто. Она показала, какой должна быть настоящая женщина, благодарная мужчине. Вряд ли мужики часто добиваются такой благодарности. Но он тут же перевел взгляд на возбужденную Элку и глубокомысленно изрек: «Хотя...»

– Ты о чем? – немедленно откликнулась Элка.

– О перспективах, дорогая! О чем может думать одинокий сыщик, не имеющий ни личной семьи, ни достойного жилья?

* * *

Когда они подъехали к кафе, возле него уже стояла серая «девятка» Николая Щербака и он медленно прохаживался около нее. Поздоровались.

– Я знаю эту забегаловку, – сказал Щербак. – Почему вы выбрали именно это помещение?

– Тут у Элки знакомые, – сказал Плетнев.

– Знакомые знакомыми, – пробурчал Николай, – но слава нехорошая, это я вам могу сказать совершенно точно. Пару раз мне приходилось здесь бывать по острой оперативной надобности.

– Да? – испугалась Элка. – А что тут творилось?

– Ничего-ничего, – ответил Щербак, – только национальный вопрос решается довольно часто и довольно скверно, неграмотно.

– Ну, тогда, может, сменим место? – предложил Антон. – Мне бы сейчас не хотелось подвергать даже подозрению опасности вас обеих, девушки.

Вмешался Щербак:

– Если хотите, я сейчас покажу вам неподалеку одно хорошее местечко, где мы действительно спокойно посидим. В районе Усачевского рынка, там есть прекрасное вечернее кафе, есть музыка, вряд ли появится охота танцевать, но дамы так прекрасны, что мы можем не удержаться.

– Поехали, танцор-любитель, – сказал Антон.

Кафе, в которое они вошли, было действительно симпатичным, уютным. Они сели в уголке, сделали небольшой заказ для начала, чтобы потом посмотреть, как будет разрастаться аппетит и будет ли разрастаться, добавить или, наоборот, сократить необходимость поедания общественного продукта за счет домашней еды, которой, как уверяла Элка Антона, у нее всегда было богато. Оно и видно, по фактуре не скажешь, что девушка голодала.

Официант записал заказ и исчез, чтобы больше не появиться. Так, во всяком случае, получилось. В ожидании заказа завязался оживленный разговор. Щербак рассказывал какую-то очередную историю Галке, и та, склонившись к нему, слушала Николая. А Элка во все глаза наблюдала за Антоном. Причем во взгляде ее было написано не столько любопытство, сколько злорадство. Причем злорадство счастливое: так смотрит кошка на птичку, у которой уж перебиты лапы и переломаны крылья. И вот птичка дергается, дрыгается, а кошка прекрасно знает, что никуда та не улетит, не ускачет никуда и удовольствие ее может длиться бесконечно долго. Поняв эту ее нехитрую мысль, Антон улыбнулся, небрежно и якобы нечаянно положив руку на ее колено, сказал:

– Знаешь что, а ведь ты была действительно права. Наверное, нет необходимости задерживаться в общественных местах, когда можно спокойно продолжить более интимный разговор в более интимной обстановке.

Зря Коля Щербак, знавший это заведение, рассчитывал на свободу, тишину и уют. Им надоело ждать, и они решили уйти. Стали подниматься, чтобы отыскать глазами официанта и выразить ему свое недовольство, когда в кафе ввалилась довольно большая группа ребят, торгующих на Усачевском рынке. Черноволосые, горбоносые, они мгновенно заговорили на своем гортанном языке, стали громко кричать, выяснять друг с другом отношения, занимать все столики подряд и посматривать с подозрением на тех, кто им казался лишним. Зато две дамы стали им явно нелишними, и они стали оказывать им пристальные знаки внимания.

Когда Элла поднялась и Плетнев встал следом за ней, один из парней, мимо которых они проходили, остановил ее за руку, дернул к себе и на довольно скверном русском языке сказал:

– Зачѐм бѣжишь, дѣвушка? Тут такие хорошие люди собрались, оставайся с нами. Зачѐм бежать тебе в такой чудный вечер?

– Отпустите, пожалуйста, я занята.

– Слушай, какие могут быть дела в такой прекрасный вечер? Ребята, подтвердите, что не может быть плохих дел в такой хороший вечер.

– Ты разрешишь пройти, молодой человек? – сказал Антон спокойным голосом, хотя внутри у него начинала закипать злость. Он переглянулся со Щербак. Николай все понял и быстро провел Галю другой стороной, мимо тех столов, за которыми сидела черноголовая братия, чтобы выпустить ее наружу и при нужде вернуться на помощь Плетневу.

– А ты вообще кто такой? – сказал этот горбоносый и легко, шутейно толкнул казавшегося щуплым на вид Плетнева, думая, что он отшатнется или упадет, и все рассмеются, и всем будет хорошо, и девушка будет довольна.

В ответ он получил такой сокрушительный удар, что вместе со стулом перелетел половину зала. Все вскочили, вид был угрожающий. Потерпевший вытирал физиономию, медленно поднимаясь, но подняться не успел. Щербак, спокойно проходя мимо, ударил его по затылку кулаком, и тот опять улегся.

Парни, увидев, что они немножко ошиблись, начали принимать боевые стойки. Это не те дети, с которыми легко справиться, это серьезные ребята, поняли они. Кто-то уже нож достал, кто-то взял стул за ножку, раздался шум со стороны кухни, и оттуда выскочил хозяин, крича:

– Немедленно прекратить, сейчас милицию вызываю! Немедленно прекратить, всем прекратить!

Кавказцы поостыли, а Антон и Щербак, повернувшись, медленно пошли к выходу, ведя перед собой Элку. За ними медленно двинулась кавказская масса.

Они вышли, и в этот самый момент подлетела милицѣйская машина.

– Кто скандалит? – закричал сержант, который выскочил оттуда.

И все кавказцы хором, показывая на четверку, закричали:

– Аны! Аны! Скандал устроили!!! Анны пасуду бьют, всех, абижают, анны националисты. Считают, что все мы здесь сволочи.

Милиция, вероятно, была своя, потому что сержант, подойдя к Плетневу, предложил ему предъ-явить документы. Плетнев достал удостоверение охранного агентства, сержант прочитал внимательно.

– Я не собираюсь его забирать у вас. Давайте проедем в отделение милиции для выяснения обстоятельств. Свидетели есть?

– Свидетелей сколько угодно! Весь ресторан свидетели! – загалдели сверху.

– Я свидетельница! – вмешалась Элка. – Это они на меня напали.

– А вас, девушка, я попрошу убраться и поскорее, потому что вы станете не свидетельницей, а пострадавшей. Уж это я знаю, в каком месте вы находитесь.

– Ничего себе место, центр Москвы! – сказал Щербак сквозь зубы.

– Ну, вам, может, не нравится, а мы здесь работаем, – возразил сержант. – Давайте проедем в отделение.

– Нет уж, давайте мы сделаем таким образом, – возразил Антон, – мы можем ехать за вами, пожалуйста, скажите адрес, какое отделение, мы приедем и дадим любые показания, которые вы от нас попросите.

Вышедший с другой стороны милиционер был в чине капитана. Он был старше, ленивее, толще и свинообразнее, на нетвердых ногах обогнув машину, подошел к Плетневу и закричал, дыхнув застарелым перегаром:

– Что здесь происходит? Всех виновных в машину! Приказываю! Кто таков? Руки на капот!

– Спокойно, капитан! – ответил Щербак. – Нигде пьяных нет, поскольку никто ничего не пил, а вот от тебя несет, как из винной бочки.

– Что ты сказал? – засипел капитан и потянул руку к карману за пистолетом.

Он уже вытаскивал оружие, когда Щербак резким и сильным ударом ребром ладони вышиб пистолет. Тот шлепнулся наземь. Щербак наступил на него ногой. А следующим ударом отправил капитана в нокаут и сказал:

– Баловаться оружием опасно. Особенно в пьяном виде. Сержант, подойди сюда. Давай, помогай грузить твоего кабана.

Оторопевший сержант послушно открыл заднюю дверь машины, и они вдвоем засунули в салон так и не пришедшего в себя капитана. После этого Щербак аккуратно платком поднял за скобу пистолет, валявшийся на земле, и швырнул его на пол салона. Вот тут и наступил момент, когда сержант тоже попытался схватиться за оружие. Это, наверное, от непонимания идиотизма ситуации, в которой он оказался. Но его рукой остановил Плетнев.

– Оружие – это серьезная штука, ею баловаться нельзя. У вас могут быть очень большие неприятности. Мы сейчас вызываем сюда УСБ, ты знаешь, что это такое. Устанавливаем факт пьянства твоего шефа, и после этого ему гарантируем как минимум одну звездочку долой. Не хочешь нам объяснить, давай поезжай и объясняйся с начальством сам, чем вы сегодня занимались. А мы позвоним и проверим. Свободен, сержант.

– Ничего себе заведение! Красота, услуга, хозяева! – сказал Щербак. – Ну, что будем делать, Антон? Проводить до отделения или ну их всех?

– Видимо, придется проводить, потому что у меня есть сомнения, что в отделении весь этот наш демарш воспримут правильно, и уж во всяком случае они постараются большую часть вины переложить на нас с тобой, поэтому капитана я бы так не бросал.

– Ну давай, – сказал Антон.

Но тогда возникли женщины. Их сыщики не хотели брать с собой. Но те заявили, что обязаны присутствовать хотя бы в качестве свидетелей. Героизм ненужный проявить решили, не догадываясь, чем он может им в конечном счете обойтись.

– Ну, свидетельницы так свидетельницы. Тогда по машинам.

Женщины сели в машину. Антон поправил привычно задравшийся подол Элки, опустив его на колени, и, пригрозив пальцем, сказал:

– Сейчас без глупостей, занимаемся делом.

Она усмехнулась в ответ.

И они поехали вслед за милицейской машиной. Та петляла недолго и вскоре приехала к своему «заведению» на Усачевскую.

Вышедший сержант вопросительно посмотрел на Антона и Щербака.

– Ну, чего, как прикажете докладывать-то? Что вы его избили, что он до сих пор в себя прийти не может?

– Нет, зачем же, мы сделаем проще, мы прямо сейчас пройдем к начальнику отделения, покажем пистолетик, что на полу валяется, заодно пригласим медицинскую комиссию для осмотра капитана на предмет установления наличия в его организме изрядной доли алкоголя. А если ты что-нибудь сжульничаешь, то учти, плохи твои дела. Так что давай-ка начинай вытаскивать его из автомобиля, а мы тебе поможем.

Капитан в это время мычал, пытался отбиваться, сыпал ругательствами, но общими усилиями они его вытащили и поставили на ноги, после чего с большим трудом втроем завели в «дежурку», где опустили на диван. И точно так же, держа в носовом платке скобу пистолета, Щербак спокойно положил его на стол дежурного.

– Вот доставили вашего работничка. Как связаться с вашим руководством? Кто на месте? Где начальник отделения?

– А что, он заболел? На него напали?

Дежурный растерялся, он не знал, что делать.

– Нет, он мертвецки пьян, при этом размахивал оружием, вот пришлось остановить и привезти домой. Вы уж тут давайте, ребята, разбирайтесь. Никуда не годится.

– А вы кто такие?

– А мы те самые случайные прохожие, на которых он напал.

– Но он не мог напасть на случайных прохожих!

– Да вот так получилось, понимаете.

– Ну, в том, что и как получилось, мы разберемся. Давайте, сейчас я позвоню начальнику.

Через минуту со второго этажа спустился начальник отделения, сухо представился: «Подполковник Устинцев», посмотрел удостоверения Щербака и Антона и задумался.

– А зачем вам, ребята, все это надо?

– А он у вас, знаете ли, ведет себя неприлично. Может, он послушно служит хозяину того кабака, потому что примчался сразу, как только разразился скандал. Видно, тот позвонил ему.

– А какой скандал?

– На наших женщин напали несколько аборигенов с Усачевки. Ну, и пришлось нам их, значит, защищать. Причем один там оказался немного пострадавшим. Так вот эти голубчики, сержант и пьяный в дым капитан, приехали как бы на помощь, как бы мы им объяснили ситуацию, капитан не понял, сам выхватил пистолет, начал размахивать и требовать, чтобы все мы положили руки на капот, в то время как азербайджанская, или чья она там, братия дружно кричала: «Конечно, их надо немедленно арестовать! Всех посадить, ани шовинисты!» Вот такая картина, привычная для Москвы, да, подполковник? Кончилось все это у нас тем, что мы успокоили капитана, уложили его в машину и доставили сюда, сами приехав следом, чтобы выяснить на месте, каким образом пьяный вдрызг капитан оказался на службе? Женщины, которых мы защищали там, в настоящее время сидят в машине и ждут, когда вы их пригласите для дачи показаний.

– Ну, что ж, этого давай...

– Надо, прежде чем давать, – сказал Щербак, – провести медицинскую экспертизу, а то ведь потом скажут, что упал человек нечаянно, нос разбил. А он не по этой причине пострадал.

– Ну, учить-то меня не надо, – сказал подполковник и повернулся к дежурному: – Дежурный, вызови этих самых ребят, чтоб принесли трубочку подышать ему.

– Тут не трубочка, тут бидон нужен, – рассмеялся Щербак.

– Ладно, острить не будем, – сказал подполковник, – давайте ваших свидетельниц и поднимайтесь ко мне в кабинет. А ты шевелись! – крикнул он дежурному.

Не хотелось подполковнику милиции Устинцеву заниматься этим делом, очень не хотелось. Он морщился, что-то искал в ящиках стола, двигал стулья, потом наконец предложил сесть, потом достал несколько листов бумаги, положил на стол и сказал:

– Пусть каждый напишет, как было дело. Самостоятельно, друг у друга не списывать. Пишите все, как было на самом деле, и это будут ваши свидетельские показания.

– Хорошо, – сказал Щербак, – пишите, девушки: «Я, такая-то, была с тем-то там-то...»

– А ты не подсказывай! – воскликнул подполковник.

– Нет, я только форму им подсказываю, а то ж они такого напишут: когда проснулась, когда завтракала... Ты что, подполковник, не знаешь, как бывает обильна женщина в словах, когда речь заходит о серьезных вещах?

Через полчаса исповеди закончились. Как во всяком уважающем себя документе, в каждом из них были проставлены имена, отчества, фамилии, адреса проживания, паспортные данные. Никто и предполагать не мог, что именно эти записи и станут в самом ближайшем будущем причиной больших неприятностей.

Подполковник быстро пробежал глазами листки, все расписались, поставили числа, после чего Антон сказал:

– Ну, теперь мы можем быть свободны? Вы сами разберетесь? Или будем все-таки как-то решать этот вопрос на уровне Управления собственной безопасности? Начальник, ты как считаешь?

Вопрос был поставлен так, понял Устинцев, что дело может закончиться скверно, если этот охранник говорит, что ему несложно решить вопрос с УСБ.

– А для этого, – продолжил Антон, – я сейчас помогу тебе, сделаю звонок Яковлеву в МУР и объясню Владимиру Михайловичу, или заму его, кто там есть, или Пете Щеткину из убойного отдела, и он быстренько разберется, что тут и как, кто должен подъехать, какая комиссия, и сам приедет, чтоб помочь. Тебе это надо?

– Мне это нежелательно, – ответил подполковник.

– Ну, если нежелательно, разбирайся в этом деле сам, а мы поехали. Всего тебе доброго, подполковник, ты против нас зла не держи, но все-таки этого дурака постарайся наказать. Нельзя вести себя на людях в таком пьяном свинском виде, – да еще размахивать «пистолью». Ты ж представляешь, один выстрел, и что пошло бы? Резня пошла бы! Потому что эти чурки, которые там орали на крыльце, они же, обрадованные поддержкой, ринулись бы давить, а мы бы не дали, и там столько крови пролилось бы, что твоему капитану на годы это откликнулось бы.

– Ладно, я обещаю разобраться, и, если вам угодно, вы лично получите официальный ответ.

– Нам неуютно получать официальный ответ, потому что мы к этому делу не хотим иметь ни малейшего отношения. Это твои собственные личные дела, подполковник, и ты их должен решать, как считаешь нужным. Я сам майор, спецназ, был в шкуре милицейской, спецназовской, прошел всякие огни, воды и медные трубы, мой напарник тоже майор спецназа из ГРУ, тоже знает, как надо общаться с теми, кто ведет себя непристойно, ну, ты сам понимаешь. Мы бы не церемонились, но в данном случае решили не поднимать шума, чтобы на твою, подполковник, голову не сыпались лишние шишки. Все, пока, мы пошли.

– Ладно, ребята, всего доброго.

На том они расстались, не думая о тех неприятностях, которые еще ожидали их впереди, а пока они были счастливы, что все наконец закончилось и можно будет использовать дальнейшее время... да все можно, потому что устали и очень соскучились, оказывается, друг по другу.

Еще один вопрос они упустили, чрезвычайно важный – они забыли, зачем собрались, а в том плане первым пунктом стоял ужин, но от нерасторопного официанта и наглых усачевских ребят не только аппетит пропал, но и возникла необходимость самозащиты, и та энергия, что уже не так бурно кипела в мужиках, потребовала срочного пополнения. Но против предложения Антона снова найти приличную точку, где их не побеспокоят, категорически возразил Щербак. Он сказал, что на его голову сегодня приключений достаточно, попутно поинтересовавшись, нет ли у Гали какой-нибудь легкой закуски, потому что «тяжелую» выпивку он собирался прикупить в любом из попутных магазинов, не нужен был никакой дурацкий кабак с его неприятностям. Галка не только не возражала, но, напротив, приветствовала это своевременное решение: ей тоже порядком осточертела эта история. Элка хотела предложить всем отправиться к ней, где уж чем-чем, а обедом все будут обеспечены, но, еще не открыв рта для того, чтобы произнести фразу, увидела взгляд Антона и поняла, что он заранее не одобряет того, о чем она еще не сказала. Элка промолчала, что ж, в конце концов это даже лучше, потому что если гулянка затянется, то что же ей лично достанется? И они разъехались каждый в своем направлении, хотя жили в одном доме, но маршруты выбрали разные, как, отъезжая, сказал Щербак, улыбаясь, чтобы больше не путаться сегодня друг у друга под ногами.

– Ну, а мы – что? – спросил Антон.

– Как что? – Элка посмотрела на него с изумлением. – А куда ты можешь деваться, кроме как ко мне? Где ты можешь спрятаться?

Элка еще днем наготовила вкусностей – обед в полном наличии, всякие разные жарености, копчености, варености, компоты, сладости и прочее, прочее. Понятно, отчего и формы такие: когда человек не отказывает себе в удовольствиях, это удовольствие так и прет из всех складок его платья.

Антон пошутил по этому поводу, Элка не обиделась, она уважала свою полноту и всячески ею гордилась. Они не торопились приступить ни к трапезе, ни к желанным объятьям, скажем так, хотелось немного прийти в себя, отдышаться, как заявила Элка. Но долго она сама не выдержала. Сверкая изо всех сил глазами, она решительно обхватила Антона обеими руками, развернула его к себе лицом, чтоб глаза в глаза, и, словно бы демонстрируя сильное волнение, хотя оно вполне могло быть и естественным, произнесла со страстным придыханием:

– Ну, теперь рассказывай, подробно рассказывай, как ты получил по морде от этой сучки?

– Ну, Эллочка, тебе-то это зачем?

– Нет, унижение мужчины есть возвышение женщины! Но ты не бойся, ты не унизишься передо мной. Но, сказав правду... услышав твою правду, я тебя еще больше буду уважать.

– А какую правду ты хотела бы услышать?

– А я хотела бы услышать, о чем ты подумал, когда увидел, что она идет не к тебе, а к другому мужику? Что в тебе вспыхнуло? Вот что б ты хотел сделать? Убить его? Зарезать?

– Ничего... Мне вдруг стало очень грустно, оттого что если и наметились какие-то мысли в отношении ее дальнейшей судьбы, нелегкой судьбы, я это прекрасно знаю, у меня у самого растет сын. И у нее – сын. Я много думал за эти несколько часов, может быть, полтора, два дня. Я думал, как, каким образом, да и вообще, могло ли быть?.. То есть произойти соединение людей, фактически несоединимых? Ты понимаешь, ей с Игорем – это морока на всю жизнь. Мой сорванец – это перец такой, что за ним нужен глаз да глаз. Но, может быть, по контрасту у нас с ней и могло найтись то самое единство, которое и любви помогло, и детям дало бы ответственность друг за друга. И вообще, детям надо взрослеть. Ты знаешь, нашим детям давно надо взрослеть, а то они все бесятся, в мальчиков, девочек играют, а на самом деле такое уже творят, что не дай Бог! Вот от этого «не дай Бог» их и надо избавлять. Мой-то три года в детдоме провел, представляешь, характер какой?

– И как же ты? Что-то в роли отца я тебя не очень...

– Ничего, пока справляемся. Там больше Сашкина жена Ирина помогает. Она – прирожденная учительница. Вот ее он слушает, понимаешь? Дядю Сашу вынужден слушать, потому что понимает, что живет в их доме и кто старший в стае, того надо слушать. А ко мне – так... Папаша. «Ну, ладно, пап. Ладно, хорошо», – и ничего не делает. Ему нужна собственная ответственность. Вот я и подумал: может быть, такая ответственность появится... И ночью...

– Ну, про ночь ты можешь мне не рассказывать, я могу себе представить...

– А зачем тебе представлять? – нагло усмехнулся Антон. – Через пять минут ты будешь делать то же самое, и не надо никаких представлений. Все должно быть правдой.

– Ну, ладно, не хулигань, не хулигань, все тебе будет. Свисток тебе будет, и все на свете... Ну и что? И вот она вышла, и ты ждал ее, ты сидел в машине, ты волновался, ты раздумывал, а она – что?

– А она вышла и – стоит. Я думал, она меня не заметила и ждет. Я мигнул. А рядом мигнул еще кто-то, и она повернулась не ко мне, а к той машине, которая мигнула тоже. Тут я не выдержал, выскочил, взял ее за руку: «Света, ну что? Как дела? Я все понимаю, есть трудности... Ну а теперь – едем, да? Отдохнешь сегодня, ты можешь отдохнуть. И вдруг почувствовал такое ледяное отчуждение! Она сказала: „Ты понимаешь, дело в то, что...“ Вот это „понимаешь“ и „дело в том, что“ сразу мне все объяснило. Дальше она мне стала говорить о докторе, а я запах коньяка учуял, – когда не пьешь, это ж легко заметить. „Надо, понимаешь...“ Нет, я не подумал о ней плохо, ты знаешь, я подумал, что она, наверное, из породы тех женщин, которые приносят себя в жертву. Жертва обстоятельств. И всякий раз делает это с восторгом, благо-

дарностью, чтобы опять принимать жертвы, опять благодарить и опять принимать... Кликуша, что ли? Черт ее знает! Сектанты какие-то...

– И поэтому ты вспомнил обо мне.

– Ну, я с самого начала говорил, что уж если у кого нет комплексов, то это у тебя, Элка. У тебя на физиономии написано, о чем ты думаешь, а на твоих коленках нарисованы все твои остальные мысли.

– Красиво говоришь... – вздохнула она. – Даже и не знаю, с чего начать... Уговаривать, обнимать, целоваться или... сразу броситься в объятия?

– А давай бросимся?

– А давай! – воскликнула она.

И они бросились, и не пожалели, потому что до того момента, когда раздался громкий стук в дверь, они успели уже насладиться друг другом и второпях перекусить.

* * *

Стук раздался в одиннадцать. И не так поздно, чтобы принимать гостей, но и не так рано, чтобы с нетерпением их ждать.

Элка выглянула в дверной глазок и увидела двоих стоящих на площадке мужчин в милицмейской форме.

– Здесь проживает гражданка... – Один из них небрежно назвал Элкину фамилию.

– Здесь, а вы – кто, ответьте в свою очередь?

– А мы из милиции.

– А милиции в такое время суток здесь делать нечего! Милиция должна своим делом заниматься.

– Это уж не ваша забота. Совершено преступление. Милиция может задерживать преступника в любое время суток.

– Тогда расскажите, что за преступление?

– А я не буду ничего рассказывать, а если не откроете, мы взломаем дверь.

– Хорошо, у вас есть, надеюсь, ордер на вторжение, обыск или задержание?

Элка оказалась «подкованной» в этом вопросе – ну да, с кем поведешься, и махнула рукой Антону, который, слыша перепалку, быстро одевался, а затем, подойдя к двери, накинул на Элку ее шикарный халат.

– У нас все есть.

– Покажите тогда в дырочку, чтобы я могла увидеть и убедиться, что открываю дверь «родной милиции», – с сарказмом сказала она, – а не переодетым в милицмейскую форму бан-дитами.

Антон прильнул к глазку и махнул рукой: открывай.

– Вот вы-то нам и нужны, Плетнев, – с ухмылкой сказал майор. – Как знали, где вас найти!

– Подсказали? – усмехнулся Антон.

– А это не ваше дело. Вот...

Майор протянул Плетневу раскрытое удостоверение. Одного взгляда было достаточно Антону, чтобы понять: подлинное. А затем майор протянул ему постановление о задержании Плетнева Антона Владимировича.

Причиной ночного вторжения и задержания подозреваемого в преступлении Плетнева А.В. оказалось указанное в постановлении – вот же лихо работают ребята! – избиение и нанесение тяжелейших физических увечий гражданам Абхазии Дзыбе и Султанову, причем последний скончался от многочисленных травм. Избиение со смертельным исходом произошло в присутствии большого количества свидетелей разбушевавшимся пьяным гражданином, кото-

рый размахивал при этом оружием, грозя всех перестрелять. Причина вполне достаточная для задержания.

– Все это вранье, но, предположим, что кому-то это сильно нужно.

– Так вот, мы вас, гражданин Плетнев, отвезем в сто седьмое отделение милиции и там во всем разберемся. Заявления по поводу потерпевших находятся там.

– Очень хорошо, я еду с вами, – решительно заявила Элка.

– Никуда вы не поедете, у нас нет лишнего места. Если желаете, можете побежать за машиной, – с наглой усмешкой ответил майор, оглядывая полную фигуру хозяйки квартиры. – Если успеете догнать.

– Ты бы все-таки не хамил, майор. Перед тобой не твои обормоты, а женщина. Она может и жалобу на тебя написать в УСБ, например. О недостойном поведении.

Элка начала быстро одеваться, а оба мента, не имея никакой совести, в упор разглядывали ее, пока Плетнев не крикнул:

– Как же вам не совестно, мужики!

Тогда те немножко смутились и отвернулись.

– Иди-иди, умник, – майор показал на дверь.

– Что делать? – она посмотрела на медленно выходящего Плетнева.

– Звони Саше. Ты знаешь его прямой телефон?

– Знаю.

– Вот и звони. Звони по прямому и объясни, что меня повезли в сто седьмое, по обвинению в зверском избиении некоего гражданина кавказской национальности и размахивании оружием. Так написано в протоколе задержания. Только обязательно объясни Александру Борисовичу, что все это завязано на хозяине того заведения, где нас так и не обслужили, поэтому нам не удалось выпить ни грамма спиртного. Зато выслушали оскорбления официанта. А когда собрались уходить, на нас накинута та орава, причем сам хозяин кричал и угрожал больше всех. «Султан» та рыгаловка называется, возле Усачевского рынка. Все остальное и ты, и Щербак прекрасно знаете. Все. За меня не беспокойся, никуда не бегай.

И они ушли.

Глава вторая

Авантюра

Александр Борисович Турецкий в этот вечерний час в присутствии супруги Ирины Генриховны, а также Филиппа Кузьмича Агеева официальным возлиянием завершал операцию по внедрению Людмилы – дочки Дины Петровны – в стены французской Сорбонны. Ирина Генриховна была приглашена Диной Петровной специально, ибо у ревливой супруги Турецкого могли возникнуть сомнения в том, что Александр Борисович, помогая семье соседей, делает это с какими-то своими нечистыми помыслами, зарабатывая определенные дивиденды. А Турецкий, в свою очередь, изображал полнейший нейтралитет, хотя на сердце, честно говоря, кошки все-таки скребли. Когда он увидел глаза Фили, смотревшего на Дину, он сразу понял, что даже возможный его сладостный романчик может оказаться ничем по сравнению с тем великим чувством, которое все больше и больше демонстрировал Фили. Действительно, не стоит перебегать дорогу другу. Когда-нибудь и тот, глядишь, поступит таким же образом, и они будут квиты.

И в этот ответственный момент философских размышлений Турецкого раздался звон его «мобильника». Не понимая, какого черта в этом часу он еще кому-то требуется, Александр Борисович сомневался, стоит ли откликаться, но укоризненные глаза жены заставили его достать трубку и прочесть имя, которое он меньше всего ожидал увидеть именно в это время и в этой ситуации. Неугомонная дама Элеонора Владиславовна, по убеждению Турецкого, не могла нести ничего, кроме неожиданных неприятностей. Всякий раз, когда она звонила, с ней обязательно что-то случалось. Сыщики иногда посмеивались: «Кто там, Элка звонит? Чья очередь выручать?» Но звонок предназначался ему, ему и надо было отвечать, не Фили же, в самом деле, посылать на помощь, Фили сам пошлет кого хочешь, и будет абсолютно прав.

– Я вас слушаю. Турецкий. Что случилось?

В ответ раздался не то вой, не то рев какого-то экзотического больного животного, которому только что сделали еще больней, то есть уже выше всякого терпения. Из воплей, восклицаний, эмоциональных выкриков типа «Антоша, Боже мой, в это невозможно поверить!» – он, уже приложив определенные усилия – все-таки было выпито пусть немного, но тем не менее, – понял, что случилась действительно беда. Только что арестовали Антона, причем милиция незаконно ворвалась в квартиру Элки; Плетнева, едва успевшего покинуть кровать, заковали в наручники и объявили, что он обвиняется в убийстве человека. Когда же он начал кричать, что это бред и чья-то глупая шутка, ему ткнули под нос лист постановления о задержании. С таким документом не спорят. Ситуация была, с одной стороны, трагическая, с другой – потешная. И, учитывая вторую позицию, менты разрешили ему одеться, временно сняв наручники, но заковав его снова, когда выводили из квартиры. Элка была вне себя, она кричала, она закатила истерику, ночные гости отреагировали довольно вяло, сообщив, что его отвезут в отделение, если чего не так, то утром отпустят. А сейчас им и заниматься-то некому, дежурный один там сидит. Но раз поступило постановление, оно должно быть исполнено. Еще какое-нибудь там воровство, мелкое хулиганство – это и до утра могло подождать, а убийство – это уж извините, тут церемониться нельзя.

С великим трудом Элке удалось выяснить, что Антона увезут в одно из отделений Хамовнического района, скорее всего в одно из ближайших, ближайшим было 107-е. Элка в слезах и горе пробовала бежать за милицейской машиной, но так ее и не догнала, вернулась домой и позвонила Турецкому, потому что, по ее мнению, это был единственный человек, который был

способен оценить серьезность происшествия и найти возможность принять меры по спасению Антона, своего коллеги и товарища.

– Саша, – ревела Элка, – ну сделай хоть что-нибудь! Я сейчас побегу туда, к сто седьмому... Давай там встретимся.

– Очень хорошо, именно это я хотел тебе предложить, потому что из того, что ты провыла-прокричала, я понял только одно, что Антона арестовали.

– Арестова-а-а-али! – проревела Элка.

– Хорошо, будем разбираться, немедленно будем разбираться. Перстань реветь и иди к отделению, там встретимся.

Он прекратил разговор и увидел недоуменные глаза жены. Ирина не верила ни одному слову, а Филипп, в свою очередь, был серьезен и сказал:

– Может быть, это связано с тем криминальным делом, которое вел Антон? Во всяком случае, Александр Борисович, я бы не терял времени.

Турецкий увидел огорченное лицо хозяйки, возмущенный взгляд Ирины и был вынужден принять единственно верное на данный момент решение.

– Филипп, – сказал он, – мне жаль портить тебе такой чудесный вечер, но мы должны немедленно подойти к сто седьмому. Как считаешь, машиной или ножками-ножками?

– Да кто сейчас нюхать будет? – раздраженно сказал Филипп. – Дорогие дамы, вы извините нас, но нам нужно с Александром Борисовичем перемолвиться наедине. Можно мы выйдем на кухню на две минуты?

– Ой, да что вы, проще нам! – выкрикнула Дина Петровна и быстро отправилась на кухню, укоризненно взглянув на Ирину.

Ирина вынуждена была последовать за ней, но глаза ее не излучали доверия. Что там мужики затевают? Что там опять за дурацкая история? Все это было выше ее логики. Наверняка какие-нибудь очередные уловки.

– У тебя есть предложения? – спросил Турецкий.

– Ну, естественно, – ответил Филипп. – У тебя какие отношения со сто седьмым?

– Самые скверные, – мрачно ответил Турецкий. – Не далее как сегодня утром я, мягко выражаясь, перематюкнулся с Михеевым, а этот засранец не прощает, когда с ним говорят на повышенных тонах. Поэтому мне там самому появляться никак нельзя. Даже для выяснения простого вопроса, что произошло. Он и захочет – не скажет. А ты можешь поинтересоваться, в чем дело. Мол, задержан наш сотрудник, какие выдвигаются обвинения и почему все это сделано среди ночи? – Турецкий посмотрел на часы. – Хотя не такая уж и ночь. Десять часов – разве это ночь? Ну да, у Элки в глазах потемнело от ужаса... Но почему убийство? Какое убийство? Что за бред?

– Но, к сожалению, Саша, – вздохнул Агеев, – в наше время можно ожидать чего угодно и в какое угодно время, поэтому не будем его терять. Ну, а хозяек придется поблагодарить. Жаль, конечно, вечеринка б точно удалась, если б ты наконец сообразил и смылся с Ириной к себе домой, ну, раз нет, так нет, перенесем на следующий день или когда там выпадет удобный случай. Так что, идем?

– Ну конечно, о чем ты говоришь!

– Тогда есть конкретные предложения. Ты сейчас, по пути к себе домой, смени твой забавный свитер на прокурорскую форму. Она хоть и бывшая, но в ночное время может быть использована. У тебя и удостоверение сохранилось. Хамить мы не будем, но и форму терять тоже. Дорогие дамочки! – закричал он. – Наш военный совет закончен, заходите.

Все вошли, усталились на мужчин.

– Мы пригласили вас, чтобы выразить исключительную благодарность за ваше гостеприимство. А сейчас нам в самом деле надо бежать. Антон в опасности, это понятно.

– Нет, я не понимаю, – с возмущением заявила Ирина, – почему нужно обязательно бежать сейчас, ночью, неизвестно куда, чтобы выяснить неизвестно что? Разве нельзя дождаться утра и, как делают все нормальные люди, правда, я забываю о том, что вы не всегда бываете ненормальными, позвонить дежурному по городу и выяснить, в чем причина задержания Антона Плетнева, тем более по какому-то совершенно чудовищному обвинению. Почему нужно все бросать немедленно и мчаться сейчас?

Турецкий поднялся и сказал спокойным и оттого несколько напряженным голосом:

– Ирина, ты знаешь, чем всегда отличалось наше агентство от других? Знаешь, можешь не отвечать, это на лбу у тебя написано. Мы никогда не оставляем своих товарищей в беде. Тем и сильны. Я что-то сформулировал не так, Филя?

– Все абсолютно так. Еще раз наша благодарность. Будем держать друг друга на связи. Всего доброго. Дина Петровна, позвольте, поцелую вам ручку. Весь вечер собирался найти приличный повод, а нашлась вот такая бяка, ну надо же. Пошли, Саша.

И они ушли. О чем говорили, оставшись наедине, женщины, можно и не спрашивать, поэтому и у мужиков, которые топали по лестнице вниз, тоже вопросов на этот счет не было. Все они прекрасно понимали, а возмущались по инерции, как всякая женщина боится за своего любимого человека...

Сравнение было, конечно, не в пользу Элки: не как раненая птица металась она у разоренного гнезда, а скорее как разъяренная волчица, у которой только что отняли любимого волчонка. Таким же разъяренным взглядом она и встретила сыщиков. Но едва она открыла рот, как Турецкий сделал резкий повелительный жест, запрещающий ей издавать звуки. Она послушалась и закрыла рот.

– Молодец, – сказал Турецкий. – А теперь давай отойдем в сторонку и ты негромко, но внятно расскажешь нам с Филей, чем вы занимались с Антоном в сей поздний час и за что его арестовала милиция? Вопрос понятен?

Филя хмыкнул. Но Элка не поняла юмора.

– Саша, – с жаром начала она...

Турецкий немедленно приложил палец к губам и сказал ей почти на ухо:

– Нас повсюду подслушивают враги. Отвечай на первый вопрос: чем вы занимались сегодня?

Конечно, это было хулиганство с его стороны, именно в таком тоне спрашивать у Элки: ясно же, чем занимались, если Антона выудили из ее кровати. Но, конечно, не этот факт явился главным в данной истории. И он продолжил.

– Про кровать можешь не рассказывать. Что было до нее? И давай подробно.

И Элка, задыхаясь и дрожа всем телом, начала рассказ о том, как Антон со Щербаком захотели поужинать и пригласили их вот сюда, неподалеку, в «Султан», Султанов там хозяин. Потому так и зовут.

– А почему вы выбрали именно эту забегаловку?

– Ну, мы посоветовались с Галкой...

– Кто такая Галка?

– Ну, Антон просил, чтоб Коля Щербак...

– Не чувствовал себя одиноким? Ясно, такая же разгильдяйка, как и ты. Итак, две разгильдяйки и два сыщика отправились пьянствовать в злачное место, отмеченное особенно обостренными межнациональными отношениями. Я ничего не путаю?

– Нет, все началось именно так! – воскликнула Элка.

– Кажется, я начинаю понимать. А ты, Филя?

– Близится к тому, – улыбаясь, ответил Агеев.

– Ну, давай, Элка, дальше повествуй вашу одиссею. Итак, поужинали...

– Да в том-то и дело, что нет! – горячо зашептала Элка. – Ничего не успели! Там появились эти, черноволосые парни с Усачевского рынка, стали нас с Галкой лапать, а когда Антон заступился и сказал, что вести себя так нельзя, один из этих гадов ударил его. Ну, ты ж представляешь, Саша, что значит при Антоне обидеть женщину, которая находится вместе с ним? Обидчик отлетел в сторону. О каких убитых речь вообще? А эти все повскакивали, заорали, ножики появились. Тогда поднялся Коля Щербак, и они поняли, что двоих им взять так просто не получится. Мы решили уйти. А те шли за нами толпой и выкрикивали угрозы. Потом хозяин чего-то орал, Султан этот. Наверное, он и вызвал милицейский наряд. Ну и приехали пьяные вусмерть менты, стали пистолетами размахивать. Антоша с Николаем их, естественно, успокоили, а потом мы их доставили в Усачевский ОВД, где написали соответствующие заявления. Начальник их принял, зарегистрировал, и мы отправились домой. Ну, Коля пошел к Галке, потому что она живет этажом ниже. Какая уж тут компания получается, настроение-то испортили. А мы с Антоном решили поужинать у меня. Я там обед прекрасный приготовила, стол накрыла, а потом... даже не знаю, как и сказать...

– А ты не говори. Если Антона взяли из твоей кровати, то, наверное, он не борщ хлебал в этот момент. Ну, кто б другой сказал, я не поверил бы, но из твоей кровати вытащить Антона?! И ты ничего не смогла поделать? Да не поверю никогда! Наверняка вышвырнула на лестницу обоих ментов, и они катились по ступенькам, и ты орала им вслед, что в следующий раз... и всячески угрожала. После этого приехала большая команда, которая и могла повязать Антона, оказавшего им сопротивление. Скажи, разве не так было?

– Не так, – всхлипывала Элка, – совсем не так. Он как раз и не сопротивлялся, а сказал: «Поехали, разберемся, и никаких проблем нет». Еще сказал, дайте штаны хоть надеть и отвернитесь. И уехал. А мне сказал: «Никуда не беги, я сам разберусь»

– Но, тем не менее, они предъявили ему постановление о задержании за какое-то убийство, а свое позднее появление объяснили именно тем, что преступление считается особо опасным?

– Я уж и кричала, и уговаривала, и спрашивала, куда хоть отвезут-то. Там какой-то мрачный майор сказал, что, скорее всего, в сто седьмое, в «обезьянник» посадят, а там и будут разбираться. Ну, я рванула за ними, да куда уж там, я и – машина. И только когда сюда пришла, подумала, что надо же было спросить, что делать. У меня ж не каждый день молодых людей уводят под конвоем.

– Знаешь, за что я тебя уважаю, Элка, и даже отчасти люблю? За твою искренность и правильное понимание вещей. И потом, когда-то ж надо было начинать. Это была шутка. Филь, тебе все понятно? В общих чертах, так сказать. Дуй к дежурному, может, там еще Михеев, может, сменился, новый уже, не хочу рисковать. Ну и, как мы это делаем, выясни все, что можно узнать. Скажи, что нам нужно немедленно выяснить причину задержания, ибо аргументы, приведенные в постановлении, кажутся нам полным идиотизмом. У нас достаточно свидетелей, каждый из которых может подтвердить, где и в какую минуту находился за последние несколько суток Плетнев, выполняя специальное задание. Словом, чья это инициатива, мы должны выяснить еще сегодня.

Филя ушел. Элка продолжала рыдать и заламывать руки. Александр Борисович понял, что липой тут не пахнет. Он помолчал и снова обратился к Элке:

– Слушай-ка, подруга, ты сама понимаешь, что насчет алиби Антона это я для красного словца, а на самом деле я ведь в общих чертах знаю, чем он занимался с тобой и твоей подругой, где был, с кем ночевал, может, подрался с кем-то, с него станется, может, не убил, конечно, но покалечить мог. Что тебе об этом известно?

– Ну, что у Светки деньги в обменном пункте украли, это же ты знаешь?

– Еще бы! Я уже запутался, когда это было, вчера или позавчера. Ты проревела эту новость, сидя у нас в агентстве. Но там же, насколько я знаю, все у Антона получилось пра-

вильно. И «кидал» он этих нашел, и деньги забрал, и все передал по нужному адресу, и, по моему, если мне не изменяет интуиция, а она мне, Элка, практически никогда не изменяет, он еще и ночь провел в любовных шашнях с этой твоей прекрасной подругой. Я не могу утверждать со всей уверенностью, что тебя там не было, но все бывает в жизни. Вдруг ты обиделась и одинокая, несчастная, в горести и печали отправилась домой, поэтому ты не можешь гарантировать, что с момента расставания с Антоном и его подругой до момента встречи Антона с тобой ты отвечаешь за каждую прожитую им минуту. Ведь так?

– Так, – вздохнула Элка огорченно.

– А прошли не минуты, а наверняка часы, и тебе неизвестно, а я не стану рассказывать, чтобы не огорчать тебя, что может успеть спецназовец, типа Антона, натворить за это короткое время. Поэтому не будем ни в чем расписываться, а пока станем выяснять, где он в настоящий момент.

Пока Александр Борисович читал свою нраво–учительную лекцию, вернулся Агеев. Спокойно подошел и также спокойно сказал:

– Антона здесь нет, не было и не могло быть, поскольку за последние десять часов, дежурный посмотрел при мне, здесь не было ни одного вызова по поводу преступления с кровавым исходом. Он даже сам удивился. Случаи мордобоев были, пару воришек поймали, цыганку отвезли куда надо, вот и все события. Он посоветовал искать Антона в других отделениях, может, на Усачевке, может, в Большом Знаменском, они тоже относятся к Хамовникам, и вызов мог поступить оттуда.

– Так, понятно, – сказал Турецкий. – Элка, где вы сегодня собирались ужинать?

– В «Султане», возле Усачевского рынка, будь он проклят!

– Значит, конфликт у вас произошел в районе этого ОВД? – спросил Агеев. – И они занимались вами с вашим пьяным капитаном?

– Ну да, конечно, мы же там сидели и писали заявления свои.

– Тогда именно в этом районе и надо искать тех, кто имеет зуб на Плетнева.

– Как говорил наш вождь и учитель, «это серьезно меняет дело». Итак, по машинам, в смысле, Филь, ты садись за руль моего «рено», неудобно генералу возить посторонних людей, и поехали на Усачевку.

«Ох, Антон! – размышлял Александр Борисович, – не успел с одной девицей разобраться, тут уже вторая под боком. Да что ж это за мужик такой?..»

Нет, свой собственный опыт ему и в голову не приходил. Никогда! Что вы, что вы! Александр Борисович – сама чистота, но вот Антон последнее время демонстрирует постоянно заметную буйность нравов. Может, его действительно пора женить на ком-нибудь? Чтоб успокоился. Ну, хоть на той же Элке! Хоть Васька всегда будет в пирожках купаться.

– Сколько, ты говорила, времени было, когда за ним пришли?

– Одиннадцать часов, – уверенно сказал Элка.

– Филь, посмотри на свои часы.

– Половина одиннадцатого, – ответил Агеев.

– Странно, на моих тоже. Элка, может, у тебя что-то с часами не в порядке или с головой? Сколько времени прошло с момента задержания?

– Ну, никак не меньше часа.

– Значит, либо выбрось свои часы, либо смени в них батарейку. А половина одиннадцатого, Филипп Кузьмич, я полагаю, самое ресторанное время. Настоящий гость только приходит. Если мы явимся в «Султан» прямо сейчас, я думаю, мы застанем всех, кто нам понадобится.

– Саш, может, сперва начнем с ОВД?

– Понимаешь, Филья, можно бы и так, но тогда нам с тобой сложнее будет отыскать истоки, первопричину явления, а моя интуиция подсказывает мне, что горячие кавказские

парни вполне могли сварганить нечто подобное. Вот давай мы с тобой и попробуем взять их за известное место. Как думаешь, возьмем?

– Я бы предложил дополнительный вариант.

– Валяй. Внимательно тебя слушаю.

– Мы с тобой лица хоть и важные, но неофициальные, по большому счету, если кто-то копать захочет. А тот же Петька Щеткин – как-никак убийный отдел МУРа. Кому, как не ему, и знать об убийстве, совершенном только что в нашем районе, да еще кем? Если выписано постановление, он не может быть не в курсе его, поэтому, прежде чем сделать решительный шаг в кабинет господина Султанова, я предлагаю позвонить Пете и сказать, что мы срочно ждем его у входа, причину срочности объясним на месте.

– В этом есть большой резон, ты абсолютно прав, звони.

Петр, на удивление, примчался быстро. Поначалу показалось, что он уже знал причину. А причина оказалась совершенно неожиданной. Он сказал:

– Ребят, я что ж, дурак, не понимаю ничего? Если в двенадцатом часу звонят друзья и говорят: «Дуй к ресторану „Султан“ на Усах», о чем я должен был подумать? Ну, во-первых, о том, что есть повод, во-вторых, о том, что повод важный, но главное, в-третьих: вы посчитайте, сколько дней мы уже не выпивали вместе? Да была б ракета, я бы еще полчаса назад здесь был.

– Должны разочаровать тебя, Петя, – нарочито хмуро сказал Турецкий, потому что Петькина тирада не могла не вызвать у него веселую ухмылку. – Беда случилась, и может понадобиться твоя конкретная официальная помощь. Сегодня, где-то час назад, арестовали Антона по обвинению в убийстве. Кто арестовал – неизвестно, куда увезли – тем более. Мы еще не начали прочесывать местность, но кое-какие первичные наблюдения имеем. Слушай, Элка, я больше не могу, у меня эта история вызывает аллергию. Давай в двух словах, только не больше, передай Пете, что вы накуролесили сегодня с Антоном.

Как ни странно, Элка уложилась в две минуты. Видимо, правильно говорят, что повторение – мать учения.

– А что, – выслушав рассказ до конца, сказал Петр, – в ваших мыслях есть доля истины, а какая, это мы решим на месте. Элку б я с собой не брал, пусть отдохнет в машине, нам лишние эмоции ни к чему, только пусть закроется, чтоб не залезли сюда любители специфических русских красавиц. А сами сейчас пойдем к Султанову в официальном порядке. Если я что сокру не так, не обращайтесь внимания. Я так думаю, если концы здесь, то Антон уже сегодня отправится туда, откуда его взяли.

– А ты знаешь, откуда его взяли? – мрачно усмехаясь, спросил Турецкий.

Щеткин задумался.

– Не угадаешь, – сказал Филя. – Элка, можно открою великую тайну?

– Да ну вас, охальников! Человеку плохо, а им хиханьки да хаханьки!

– Действительно глупость сморозили, – пробурчал Турецкий, – человека, можно сказать, впервые затащили в койку, и тут же пришли злые дяди и запаковали его.

– Плетнева запаковали? – воскликнул Щеткин. – И он не сопротивлялся?

– Нас тоже это удивило, и тем не менее. Ну, все, шутки в сторону, двинули. Элка, из машины ни шагу. Держи «мобильник» перед носом, если будешь нужна, позвоню. Пошли, ребята...

* * *

Хозяин еще домой не собирался. В прокурорской генеральской форме Турецкий выглядел солидно. И они вчетвером прямо через зал, полный народа, прошли к служебному входу, где располагался кабинет господина Султанова. Там какие-то мальчишки попробовали было оказать сопротивление, но генеральская прокурорская форма Турецкого и милицейская «ксива»

Пети Щеткина, которой он бесцеремонно тыкал в самые хари наглых мальчишек, свое дело сделали. Они не любят, когда с ними мягко разговаривают. Они боятся, когда с ними жестко разговаривают, потому что понимают, что всегда за ними есть грех, за который может попасть.

Султанов был толстый, некрасивый, лысый мужик. Он ужинал в одиночестве, на столе стояли какие-то тарелки, отбивные, фрукты, овощи, бутылка коньяка, самое подходящее место для разговора.

Турецкий сказал, входя и не здороваясь:

– Так, я приехал, чтобы выяснить по поводу задержания Антона Плетнева. Известно, что задержание произошло по заявлению, отправленному из вашего заведения, ресторана «Султан». Быстро и в двух словах объясните мне смысл вашего заявления, после чего мы с вами поедем в милицию, куда его увезли, и там выясним частности.

– Да, но я... ужинаю...

– Мне плевать на ваш ужин, у меня нет времени. Вы понимаете, у меня нет времени! Майор, объясните, пожалуйста, господину Султанову, что у нас нет времени разговаривать и ждать, пока он закончит свой ужин. Время позднее, а ночью не допрашивают. Нам нужно успеть до ночи, поэтому положите вилку и рассказывайте, что произошло.

И Султанов спокойно начал рассказывать о том, как сидела мирная компания ребят с Усачевского рынка, как двое русских начали издеваться над ними, называть чурками, с ними были дамы, которые хихикали и хохотали над этими издевательствами. Султан, его племянник, он тоже Султанов, терпел, потом сказал, что он попросит выйти кого-нибудь из них, чтобы выяснить отношения, и тогда один из них, который оказался впоследствии Плетневым, взял Султана за грудки и просто вышвырнул на улицу, при этом Султан поломал себе челюсть и вывихнул ногу. Сейчас он находится на излечении. А потом он избил другого, наверное, до смерти, – сделал печальную мину Султанов.

– Так, прекрасно, прекрасно. И, значит, заявление вы подали когда?

– Заявление мы подали сразу, как только уехали они с милицией.

– А с какой милицией?

– Мы вызвали специально, чтоб погасить скандал. Вызвали милицию, они и приехали.

– Подожди-ка, это не тот пьяный капитан, которого они и повезли в Усачевское отделение? Не он ли часом?

– Не знаю, пьяного не видел, – испугался Султанов. Или вид сделал?

– Ты не видел, другие видели. Там сержант был и пьяный капитан, как фамилия?

– Соснин!

Ага, знал капитана-то господин Султанов, а вот то, что тот был пьян, оказалось для него неожиданностью.

– Да, Соснин. Это хорошо, найдем. А теперь давай одевайся, быстренько поехали. Кто там в отделении? Устинцев? Вот мы с ним сейчас и поговорим. Но прежде всего мы с тобой, господин Султанов, поедем в больницу, где находится на излечении твой племянник Султан Султанов, и посмотрим, какие серьезные нарушения здоровью доставил ему гость твоего ресторана, которого потом задержали по твоему заявлению. Давай вставай, быстро одевайся, не трати время, машина во дворе. Кстати, на покойника можно взглянуть?

Хозяин сказал мягко:

– Наверное, в морг отвезли, не знаю. А Султанов, может быть, уже и не в той больнице, может быть, его в другое место повезли какое-нибудь.

– Нет, не может быть, чтобы не был там и чтобы его еще куда-нибудь увозили. Ты едешь с нами в милицию, и мы вместе с милицией выясняем у тебя, где пострадавший и где покойный. И если ты нам не покажешь места, где они находятся, ты сам понимаешь, что с тобой будет. Это будет называться клеветой, а для тех, кого ты подставил, превышением должностных полномочий. Тебе перечислить статьи Уголовного кодекса, каждая из которых тянет на восемь лет?

Значит, не меньше десяти лет строгого режима ты себе уже обеспечил. И еще хочу напомнить, если не знаешь. Такого рода расследованиями занимается не окружная прокуратура и даже не Московская городская, а Генеральная. А там взятки не берут, понял, Султанов? – Турецкий говорил с таким важным видом, с такой уверенностью, что не поверить ему было просто нельзя. Уж стращать так стращать! А этот «иноверец» наверняка Уголовного кодекса Российской Федерации никогда в руках не держал, юристы за него стараются.

– Нет, зачем, не надо статьи перечислять! Не надо Уголовный кодекс, зачем? Я, может быть, позвоню, может быть, узнаю, вдруг Султан уже дома болеет? А покойный? Может быть, не в морг увезли, может быть, в больницу – в другую? Тоже спросить надо, как сразу сказать?.. – он был очень спокоен и рассудителен, этот Султанов.

– Прекрасно, узнавай, и мы едем к Султану домой и проверяем, как он себя чувствует, как глубоки его раны, переломы, ты говоришь, сотрясение головы, медицинскую комиссию создадим немедленно. А затем едем в морг, и ты нам покажешь покойного. И не дай тебе бог ошибиться.

– Нет, слушай, зачем ехать? Давай миром закончим!

– Как это закончим миром? – возмутился Турецкий. – Человек сидит в тюрьме, по обвинению в убийстве, в избиениях, а ты хочешь миром закончить? Не-е-ет, так дело не пойдет. Так, извини, товарищ Щеткин, ты объясни господину Султанову ситуацию, а я сейчас выйду, мне нужно поговорить по телефону со своим руководством.

Турецкий вышел на улицу, зная, о чем пойдет разговор, и заглянул в машину – Эллка сидела, затаившись.

Разговор должен быть простым. Петя, как умный, наблюдательный, спокойный человек, с несколько мрачноватым, даже меланхолическим характером, легко и просто, буквально на двух пальцах, покажет Султанову, что обвинение было выдвинуто ложное и арестовали, ни много ни мало, брата прокурора, а прокурор, государственный советник юстиции, генерал, считай, таких вещей никому не прощает и не спускает. Поэтому клеветнику придется отвечать по всей строгости закона.

Султанов совсем испугался, сказал:

– Слушай, давай поедem, заберем заявление.

– Заберем, говоришь? Хорошо, вставай, одевайся, поедem и заберем.

И Султанов, отдав необходимые распоряжения, вышел на улицу. Сели в машину Турецкого и отправились в отделение милиции.

Подполковник Устинцев, как ни странно, оказался на своем месте, правда, уже собирался уходить. Его вызвал из дома дежурный, когда привезли Плетнева. Подполковника Эллка узнала сразу, она вошла вместе со всеми и сказала:

– Да, это он. Ему мы написали свидетельские показания вчетвером, с адресами, со всеми данными, о тех безобразиях, которые творил пьяный капитан, о том, что дело будет передано в УСБ для расследования.

– А подполковник, – продолжил Щеткин, – видимо, испугавшись ответственности, решил свалить все беды с больной головы на здоровую. Вот и в результате Антон сидит здесь, а пострадавших никто не может найти.

– Вон как оно дело-то поворачивается! – Турецкий помрачнел и сурово уставился на Устинцева. – Совсем плохо, подполковник. Петя, давай звони шефу своему, Володе Яковлеву, если нет на месте, я дам домашний его. Или заму, если тот на месте. Пусть он сюда пришлет ребятков из отдела быстрого реагирования. Мы сейчас устроим небольшой шмон и посмотрим, что в ресторане у Султанова делается, – во-первых, проверим, у кого из них имеются справки о регистрации, прописке и прочие документы, необходимые для проживания в Российской Федерации, и это будет сразу отмечено. Во-вторых, выясним, какое отношение ко всему этому делу имеет подполковник Устинцев, а о том, что он имеет прямое отношение, не может быть и

двух мнений. Ибо вся операция проведена грубо и с большим нарушением уголовного права. И отвечать придется по всей строгости. Это не пьяного капитана в чувство приводить...

Турецкий многозначительно помолчал и продолжил:

– Теперь хочу спросить у тебя, подполковник. У тебя в «обезьяннике», что ли, сидит Антон Плетнев?

– Арестованный должен находиться в помещении для содержания задержанных. А кроме того, он оказал сопротивление при задержании.

– Да что ж ты врешь-то? Кто сопротивлялся? Кто тебе сказал?! – закричала Эллка. – Кому он мог сопротивляться, когда твои козлы на меня пилились, пока я одевалась! Антон им: «Отвернитесь, вы мужики или кто?» Только это и подействовало!

– Ладно, не кипятитесь, – остановил ее жестом Турецкий. – У подполковника должна быть докладная о сопротивлении при задержании. Имеется?

Подполковник молчал, но глаза его перебежали с Турецкого на Султанова.

– А почему ты его в «обезьяннике»-то держишь? Если он – убийца двух человек? И ты его оставил там на ночь, с бомжами и цыганками, правильно? Правильно, потому что он якобы оказал сопротивление. Так вот, я тебе не верю, что он оказал! Понимаешь, какая штука? Я тебе могу сказать по-свойски: если бы он сопротивлялся, во-первых, в твоём кабинете не осталось бы ни одного целого стула и ни одного неразбитого стекла. Во-вторых, стол бы твой вылетел на улицу вместе с тобой, причем ты был бы без штанов. Понимаешь, это у Антона работа такая. В спецназе ГРУ их учат этому. Давай, быстро вызывай сюда Антона, и мы сейчас поговорим, как у вас было дело. И фамилии называй тех, кто его задерживал! Сейчас мы с ними разберемся! Какие обвинения предъявлялись, чем мотивировались, чем дело закончилось и все такое прочее. Спокойной ночи я тебе сегодня не гарантирую, во всяком случае. Так, теперь, Петя, напомни мне телефон Василия Александровича из УСБ.

Щеткин наизусть продиктовал телефон Самойленко, старого знакомого Турецкого. Они были на «ты», нередко встречались, а перед приездом сюда, еще когда разговаривали с Эллкой, Филя предложил Турецкому позвонить Самойленко и объяснить ему ситуацию, сказав при этом, что если Турецкий позвонит, чтоб он был в курсе, – ну, мало ли, может, понадобится сыграть на важности персоны, – пусть подыграет немного. Ничего серьезного не будет, никаких вопросов и претензий, но пусть немного подыграет, скажет: да, конечно, а что спецназ? Сейчас отдам команду, и будут в одну минуту. И больше ничего, больше ничего...

Самойленко посмеялся и сказал:

– Да ладно, ребята, конечно, о чем речь! Охамели уже, иностранцы эти наши. А вот с подполковником придется разобраться, это дело с капитаном и арестом мы так не спустим.

И вот Александр Борисович взял трубочку:

– Какой, говоришь, номер?

Петя повторил.

Устинцев, если захотел проверить, посмотрел бы у себя в справочнике и узнал бы, что это правильный номер начальника УСБ. Он и пошарил глазами по своему столу с телефонным списком различных служб, нашел и понял, что туфты здесь нет. Прокурор будет разговаривать с самим Самойленко.

– Здравствуй, Василий Александрович, это Саша Турецкий. Привет.

– Привет, давно не виделись, – хмыкнул тот.

– Вась, слушай, милый друг, тут такая ситуация приключилась, понимаешь. Ты Антошу моего знаешь, да? Ну, прекрасно знаешь... Да, да, да, тот самый, тот самый... Так вот. Здесь его, понимаешь ли, упекли за то, что он убил одного и изувечил второго человека. Однако возникают сразу два «но». Во-первых, ни покойника, ни человека изувеченного найти невозможно, а во-вторых, директор ресторана, который вызвал якобы милицию, получил оную в образе пьяного до одурения капитана, который хотел затеять пальбу. А Антон как раз пре-

кратил это безобразие, доставил его в отделение милиции, сдал начальнику, подполковнику Устинцеву, сам и его товарищи написали заявления, то есть дали свидетельские показания, после чего мирно разошлись по домам. Но где-то час с небольшим назад Антон был арестован за избиение и убийство двоих смирных граждан, прибывших из ближнего зарубежья. Плюс оказание сопротивления! Короче, на сто пятую статью выводят. Ты можешь себе представить, что сделал бы Антон, если бы применил свои рабочие приемы! Да они б и трупа не нашли того, с кем поработал бы Антон. Так я хотел бы с тобой посоветоваться: что делать-то? Может, подошлешь сюда ребят? Мы тут с ними позанимаемся пока. Не нравится мне это отделение! Не нравится мне их отношение к людям! И сам Устинцев мне не нравится. Это мое личное мнение. Я его не собираюсь, так сказать, афишировать, но при случае скажу. Давай попробуем? Согласен?

– Согласен, – смеясь, ответил Самойленко.

– Хорошо, хорошо... Жди моего сигнала. Я позвоню – и начинаем операцию. Спасибо, Вася. Ну, привет тебе, до встречи, извини, что поздно. Исправлюсь! – Турецкий засмеялся, но тут же лицо его приобрело отчужденное выражение. Он закрыл телефонную трубку и лениво посмотрел на подполковника и нарочито тихо спросил:

– Ну, так где Плетнев? В чем дело?

Устинцев вскочил и заорал, выглянув в коридор:

– Привести Плетнева! Задержанного, срочно!

Наступила пауза, тишина. Все сидели и ждали. У Устинцева беспокойно бегали глаза. Он ждал продолжения чудовищного спектакля, который вовсе не казался ему спектаклем.

Вошел Антон – немного потрепанный и заспанный. Турецкий вскочил, подошел к нему:

– Ну, как, Антоша? Ты что, никак спал в этом бомжатнике? Не набрался зверья?

– Да нет, Саш, ничего, спасибо. Да потом, господи, ты ж меня знаешь... Один из «сидельцев» удивился, а потом изумился по поводу того, что некурящий человек не имеет при себе сигарет. Так вот он да, спит. Крепко спит, и будет до завтра спать. Я ему просто объяснил, что если я не курю, то и курева у меня нет. Он не понял. А потом понял, и – спит. Все нормально, там ребята понимающие. Они сразу усекли и вопросов не имели. Ну, так что, выяснили наконец, где покойники-то, которых я... того?

– Да нет никаких покойников. Вот и директор ресторана все звонит, а никто не знает. Выясняют, может, их и не существовало никогда? Ну, господин Султанов, – Турецкий строго уставился на сникшего директора, – в чем дело? Может, его и не было никогда, вашего племянника?

– Нет, покойный – не знаю, а раненый, он существовал, но куда он делся, я понять не могу! Просто голова кругом пошла! Может быть, он испугался и убежал куда-то?

– Одну минуточку! – рявкнул Турецкий. – Это как же может убежать человек со сломанной ногой, разбитой головой и сотрясением мозга? Другими словами – потенциальный покойник, как записано было в протоколе? И еще один покойник, он тоже убежал из морга, да? Давай со своих уголовников спрашивай, куда они их задевали, прятали?

– Зачем уголовники говоришь? Честные мальчики.

– Ты мне тут лапшу свою не вешай! Узнавай!

Султанов снова странно спокойным, тихим голосом заговорил по телефону, объясняясь на своем языке. Потом вздохнул облегченно и сказал:

– Нэт! Слушай, все закончилось благополучно. Он посмотрел: вывих был небольшой, и тот маленький. А голова не совсем пострадала, просто ударился, когда немного сознание помутилось. Думал, сотрясение мозга! Какое сотрясение мозга у такого черепа? По такому черепу можно топором стучать, сотрясения мозга не будет. Просто аскарился мальчик, вот и все. А покойник? Слушай, может быть, не было покойника? Или показалось кому-то, вот и закричал: «Умер! Убили!» Народ поверил. Разве не бывает?

– Тогда зачем же ты наврал, написав...

– Слушай, знаешь, с каким народом работаю? Потом, не я писал, они писали – свидетели! А я – не свидетель! Я просто шум унять хотел и ушел. Ты пойми меня, уважаемый, если я им навстречу не иду, они не идут навстречу мне. И тогда такой базар будет плохой, что мне приходится иногда вот так, да, идти на поводу у них. Подполковник это знает, я ему рассказывал ситуацию, в которой работаю.

– Я так и понял, что он знает, именно поэтому он и послал своих людей, чтобы немедленно нашли и задержали Антона, который не имеет никакого отношения к избиению и убийству, так, подполковник? Ну, говори, говори!

– Ну, не совсем так, все-таки удар был нанесен...

– А причину этого одного удара ты выяснил? – спросил Антон.

– Ну, конечно, напали там... начали выкрикивать шовинистские лозунги...

– Нет, все было не так, – возразил Антон. – Об этом написано в наших заявлениях. Ты достань-достань, и там написано, что двое азербайджанцев...

– Ты невнимательно читал постановление о твоём задержании. Не азербайджанцы, а абхазы, – поправил его Турецкий.

– Да какая мне разница, кто они там, не знаю! Они начали хватать за ноги наших женщин, тянуть их куда-то в подсобку. Мы этого им не позволили, а самый настырный, который полез в драку, чтобы защитить чужую даму якобы для себя, получил от меня по морде. И все, один раз ударил. Он улетел. А второй испугался и убежал. Где наши заявления?

– А... я их уже отправил следователю для возбуждения уголовного дела, – неохотно ответил Устинцев.

– Ну так достань из дела, – сказал Турецкий. – Достань, это легче, чем писать заново, ты ж сам понимаешь? Если будем писать заново, напишем много более серьезного для тебя, подполковник.

Устинцев вздохнул, залез в стол.

– Ах нет, не отправил, здесь они...

– Ну вот, видишь, как удачно у тебя получается? А ведь должен был уже отправить. Не отправил. Еще одно нарушение. Слушай, Устинцев, что это у тебя одни нарушения? Это никуда не годится.... Наверное, Петя, мне пора звонить в УСБ, а ты звони в МУР, вызывай своих. И надо наводить порядок с этими ребятами. Надо наводить! Они должны, наконец, понять принципы законности.

– Это запросто, – сказал Щеткин и взялся за телефон.

– Ну... давайте лучше закроем это дело, – пробормотал подполковник.

– То есть как закроем? Ты ж его еще и не открывал! Разве дело возбуждено? И как это понимать: ты возбудил, ты его закрыл! Ты что, Господь Бог? Делаю что хочу? Ты что творишь, Устинцев? Соображаешь? Послал своих, те арестовали человека по обвинению в двойном убийстве, соврали тебе про его сопротивление, но ты поверил и посадил его в «обезьянник», а теперь говоришь: ничего не было? Так за такое беспардонное вранье ты первый же и пострадаешь! Султанову – что? Добьемся и выдворят его из страны на родину. А где твоя родина, Устинцев? И потом, как это получилось, что прокурор подписал постановление о задержании? Ему-то что соврали?

– Так он это... как особо опасного... Ну, давайте напишу, что произошла ошибка, факты в заявлениях не подтвердились... Имела место проявленная неуместная национальная горячность... Чего еще?

– Сильно, может быть, волновались мальчики, – вставил с подобострастной улыбкой Султанов, – горячие головы...

– Нет, этого мало. Ты, Устинцев, должен прежде всего принести официальные публичные извинения невинно пострадавшему от твоего бесчинства. А с прокурором мы уже по своей линии переговорим.

– Ошибка, зачем сразу бесчинство? Ну, я принесу... публично...

– Так приноси, чего ждешь?

Подполковник посмотрел на мрачного Плетнева и сказал не менее мрачным тоном:

– Приношу... публично... извинение за незаконное задержание, в связи с тем, что органы милиции были введены в заблуждение рядом фактов, не получивших подтверждение. Еще раз приношу извинение.

– Вот это другой разговор. Можно было бы и в письменном виде, для того чтоб ты запомнил надолго, но я думаю, ограничимся и так, да?

Петр нетерпеливо спросил:

– Так звонить, что ль, в МУР-то?

– Ну... не звони пока... – Турецкий сердито махнул рукой.

– А вы в УСБ, Василию Александровичу, будете звонить?

– Я? Да вот смотрю на Устинцева и думаю: устроить ему хорошую жизнь или дать время? Чтоб одумался? Как ты считаешь, Петя?

– Ну, не такой же он все-таки, наверное, понимает, о чем речь идет.

– Да вот не знаю. Устинцев, ты хоть понимаешь?

– Так точно, понимаю.

– И что?

– Оставьте на мое усмотрение, я... я сам разберусь. Я наведу порядок.

– И капитана того не забудь.

– Нет, капитан получит по всем статьям. Я вам обещаю, вот честное слово готов дать.

– Ну, раз готов дать, пиши, что Плетнев Антон Владимирович задержан незаконно, содержался незаконно, факты, изложенные в заявлениях, не подтвердились. Пиши, и мы поехали.

Подполковник, пыхтя, написал это и с глубочайшим вздохом проводил посетителей. А когда те вышли, он перекрестился, хотя никогда не носил креста.

А господин Султанов убежденно заявил, что тоже своими силами разберется с этими негодяями, которые ввели в заблуждение целое отделение милиции, прокуратуру на ноги подняли, вот какие мерзавцы! Нет, он этого так им не простит. А дорогие гости всегда могут чувствовать себя дорогими гостями в его заведении «Султан». Он всегда будет сам к их услугам, и свободный столик, и свежий шашлык, и бастурма, и все другое, что пожелают гости.

– Ну, хорошо, ладно, – кивнул Турецкий. – Машина-то есть?

– О чем говоришь? Любой такси возьмет, бесплатно довезет, знает, с кем работает.

– Ну вот, видишь, какая у тебя слава здесь? Это хорошо. Тогда мы поехали...

Впятером вышли из отделения милиции. Антон помахал перед носом дежурного «писулей» начальника, тот, видно, все понял и не стал возражать.

– Садитесь, ребята, и ты, Антон, садись, – предложил Турецкий. Филя снова забрался за руль, такая уж сегодня у него была роль – за рулем.

– Ты, Элка, не тех козлами обозвала. Вон, настоящий – тут! – Турецкий ткнул пальцем в сторону дверей милиции...

Они, конечно, не могли слышать, какой крик поднял господин Султанов, и не могли видеть, как нервно вздрагивал от этих криков подполковник. Но молчал, поскольку действительно отнесся к делу спустя рукава. А господин Султанов терпеть не мог разгильдяйства и халатного отношения к своим обязанностям. Именно за это все его и уважали. Он никогда не поступал несправедливо, и подполковник прекрасно это знал. Как же можно было так безобразно сесть в лужу?! Задержать – ни за что! Ни одного оправдания своим действиям не нашел!

И покинул здание ОВД господин Султанов, будучи рассерженным на весь белый свет. Подполковник, получив справедливые обвинения со всех сторон, только ежился. Он-то ведь знал: если чья-то фамилия прозвучала у Самойленко, дело может обернуться худо. Этот человек ничего не забывал. А Султанов этого не понимает. Не желает понимать. А сам даже родного племянника не мог обработать как следует! Воспитатель на мою голову, мать его...

* * *

Когда машина отъехала, Турецкий сказал:

– Ну, Антоша, ну что с тобой творится? Что с тобой произошло? И ведь не в первый раз!

– Не ругайте, Александр Борисович, – с чувством произнесла Элка, – у человека трагедия.

– Ах, трагедия опять? И в чем же суть ее?

– Ну, получилось так, что человек влюбился, а его обнадежили и потом фигу под нос сунули.

– Понятно, – улыбнулся Турецкий. – И ты его утешала...

– Как могла...

– Ну что ж, надо ценить женскую жертвенность. Ты – молодец. А тебя, Антон, куда? К женщине, которая будет оказывать тебе дальнейшую психологическую помощь, или поедешь, отмоешься? Ванну примешь после этого бомжатника?

– Ванну он может у меня принять, – живо вмешалась Элка, – у меня шампуни прекрасные и, в общем, все в порядке.

– Ну, хорошо. Но завтра на работу все-таки не опаздывай. Давайте, где мы вас высаживаем? Где твоя машина, Антон?

– Так она ж у Элки и осталась.

– Значит, мы вас довозим до Элки и едем по домам. Господи, и благодарите Бога, что все так благополучно закончилось... На такого арапа взяли! Сам удивляюсь, как такую лихую авантюру провернули! В другой бы раз нас самих посадили бы на такой крючок, что, как говорится, мама не горюй! Долго бы сидели... Петя, спасибо. Филя – само собой. Антон вел себя мужественно, а Элка? Ну, тебе вообще цены нет. Кстати, Антон, может, ты переменишь свои принципы? Ведь продажные женщины, которые тебя бросают, недостойны даже взгляда такой женщины, как Элка? Она ведь сама не только шикарное пирожное, она их и делать умеет! А это великое искусство. Представляешь, как твой Васька будет в сплошных кремах купаться, спать на бисквитах и питаться цукатами, а?

– Да ладно тебе... – буркнул Антон.

– А ладно, тогда вылезайте из машины, приехали.

Турецкий завез Петра к нему домой, по дороге они посмеялись, пошутили. Александр Борисович поехал к себе. Филя возле дома Турецкого с откровенной печалью, вызвав поощряющую улыбку Александра Борисовича, посмотрел на светящиеся еще окна Дины Петровны, но огорченно махнул рукой и пересел в свой автомобиль.

– Филя, – сказал, наклонившись к его опущенному стеклу, Турецкий, – не исключено, что все еще впереди. Люська днями отбывает в Париж. Может, если удастся, я сам ее туда и отвезу, по дороге в Лондон, по Нинке соскучился. Так что ничего не исключено.

– Твоими бы словами... – вздохнул Агеев и тронул машину.

Так закончился вечер их авантурных приключений, начиналась ночь. И что принесут им ближайшие несколько суток, никто даже не догадывался, не подозревал, какой вулкан разбудили они, причем не среди бравых правоохранителей, а в криминальном мире...

Глава третья

Допрос

Николай Щербак курил у открытой форточки на кухне. Он не отодвигал кисейную занавеску, дым и так уходил. Но ему не нужно было, чтобы в окне первого этажа любопытные прохожие – из местных жителей, видели в квартире Гали чужого мужчину. Это она сама его так попросила, – мягко, застенчиво.

Она вообще оказалась женщиной застенчивой и оттого неловкой, как подумалось сначала. А потом он понял, что она – из тех, кто никогда не подойдет к мужчине первой и не скажет: «Вы мне нравитесь...» Но получилось так, что у них сразу, по возвращении к ней домой, установились спокойные и добрые отношения, какие бывают у хороших семейных пар. Коротенько поужинали, не торопясь, приняли душ и улеглись в постель. И при этом практически не сказали друг другу больше десятка фраз. Странной она показалась Николаю – постель эта, и дома, и на службе, если появлялась нужда, он спал на диване, где подушкой чаще всего становился боковой валик. А тут... сплошное роскошество! Единственное, наверное, утешение одиноких женщин.

Ну, словом, что теперь говорить, ночь фактически прошла без сна, и, если бы появилась возможность, Николай «придавил» бы подушку еще на два-три часа. Но Гале надо было собираться на работу, она работала оператором на почте, и Щербак пообещал ее довезти на своей машине, поэтому она могла немного задержаться, не торопясь на общественный транспорт.

Прошедшую ночь Галя посчитала подарком судьбы и не собиралась его разменивать на мелочь. Поэтому с самого раннего утра, едва глаза открыла, он увидел в них вопрос. Естественно: что дальше? Или: когда будет следующий раз? Для случайной связи это многовато, но, с другой стороны, а почему бы иногда, время от времени, ссылаясь на ночные дежурства и прочую оперативную деятельность, и не встречаться? Только без ревности, клятв и обещаний. У него все-таки своя семья, да и возраст... в преддверии собственного полувека новые семьи, как правило, не заводят. И Галя это, кажется, поняла – без обид, по-честному...

Раннего чайку уже попили, и теперь Щербак ждал звонка от Антона – со второго этажа. Он еще ничего не знал о ночном происшествии и думал, что Плетнев, добравшись наконец до Элкиных прелестей, просто потерял голову. Решал: может, самому позвонить? Давно пора вставать...

Пока размышлял, телефон позвонил.

– Ты готов?

– Как штык.

– Выходим.

– Галочка, поедем? – Щербак раздавил в пепельнице окурок. Вот ведь парадокс, загадка века: в квартире одинокая женщина, которая не курит, а в пепельнице на кухне следы пепла. Такая вот она штука, эта жизнь.

Ну вот, в последний момент, когда уже выходить, Галя что-то забыла и, крикнув: «Одну минуточку!» – кинулась искать в спальню. Что там может женщина забыть? Интересный вопрос. Щербак усмехнулся и ответил:

– Ну, я выхожу, а ты догоняй! – но увидел оставленный в пепельнице окурок и укорил себя: «Нехорошо, в доме после твоего ухода должно быть чисто. Вот вернется вечером домой, окурок увидит и расстроится. А зачем же расстраивать хорошую женщину, когда она словно новую силу обрела?..»

Николай выбросил окурок из пепельницы в ведро под мойкой, а саму ее, ополоснув под краном, вытер посудной тряпочкой.

Ну, сколько времени на это могло уйти? Полминуты? Минута? Он вернулся к окну, чтобы поставить пепельницу на место и закрыть форточку, и вдруг услышал истошный женский крик на лестнице. А мимо окна, взревев мотором, буквально пролетела черная машина, «восьмерка». Не нравился этот цвет Николаю, ни у «восьмерок», ни у «девяток», но рассуждал он об этом, уже распахнув дверь и выскочив на лестничную площадку...

* * *

Антон после всех своих ночных передрыг наконец расслабился. До такой степени, что Элеоноре Владиславовне пришлось приложить все силы, чтобы получить желанное наслаждение. Она тоже испытала сильный стресс, но, видимо, женский организм быстрее «релаксируется», чем мужской, потому что она себя чувствовала юной красавицей, а Плетнев – усталым старым барбосом, которому больше всего хочется спать. Но это, как говорится, не помешало ему сделать «встречные шаги», что в конце концов успокоило душу Элки и все остальное, что ее обслуживает. Зато выпался – в первый раз за двое суток. Сон в камере – какой это сон? А у Светки – тем более...

Посвежевший и прекрасно себя чувствующий Антон, что вполне могло стать укором для хорошо старавшейся женщины, воспользовался известной пословицей по поводу того, что первый блин почти всегда выходит комом. На это Элка возразила, что первый блин они испекли еще до его ареста и нечего ссылаться на народную мудрость. А причиной здесь является то, что он ее... «не лю-у-би-ит!».

Вот и пойми женщин...

Благородный Антон пообещал в самое же ближайшее время исправить свою отвратительную ошибку, но, тем не менее, пора мчаться на службу. Саша все прекрасно понимал, но просил не опаздывать. Вероятно, его разговоры о том, что собирается уехать в отпуск, имели под собой почву, и он хотел передать некоторые дела, которые вел сам, своим коллегам.

Элка была в принципе готова, Антон обещал ее по дороге подкинуть, так что можно ехать. Да и Плетнев уже прожевал бутерброд с огромным куском «докторской» колбасы и запил минералкой.

Он вышел первым. Элка захлопнула дверь, закрыла ее на второй замок и попрыгала по ступенькам за ним. Антон обогнал ее на один лестничный пролет и уже был близок к выходным дверям, когда Элка увидела слева внизу метнувшуюся тень и истошно завопила:

– Антон!! – И тут же почувствовала, как сзади две руки схватили ее за горло и стали сильно сжимать. Элка была полная, но достаточно сильная для того, чтобы повернуться, увидеть искаженное в ярости незнакомое лицо и тут же впиться в него своими длинными, ухоженными ногтями. Раздался матерный вопль, пальцы сжимавшие ее горло, разжались. И вдруг сверху на эту отвратительную рожу упал кулак – с таким стуком, будто ударили по доске. Душитель повалился на ступеньки, а Щербак метнулся вперед и прыгнул с последнего пролета вбок. Только теперь она увидела, что Плетнев жив и стоит, прижавшись спиной к дверному проему, а тот, кто напал на него, валяется ничком на полу и на нем верхом сидит Николай.

– Ты чего зеваешь? – спокойно спросил Щербак.

– Я-то? – Антон подумал и ответил, потирая руку: – Решил, понимаешь, что одного раза им всем было достаточно. Самоуверенность – плохое качество, в нашем государстве оно должно быть изжито полностью. А у тебя, Элка, что случилось? Кстати, спасибо, что закричала, я успел выйти из-под удара вот этой хреновиной, – он пнул ногой толстый обрезок водопроводной трубы диаметром примерно полтора дюйма. – Не успел бы, этот пробил бы мне на фиг башку. Но кто ж мог знать? Интересно, чего им было надо?

– Слишком много вопросов, Антоша, – ответил Николай, слезая с лежащего и переворачивая того на спину. – Сейчас поглядим, кто они и чего им надо. А ты пока посмотри того, что

Элку пытался задушить. Не пойму только зачем? Нет, уж если ты чего решил, то хоть используй по прямому назначению. А душить-то зачем перед этим? Некрофильством припахивает, да, Антош? – засмеялся Щербак, будто ничего не произошло, а так, пошутили и хватит.

Антон поднялся к лежащему. Элка стояла над ним, держась руками за горло.

– Больно? – посочувствовал Плетнев.

– Нет, не успел, но... это ужасно!

– Ну, не успел и слава богу. Откуда он появился? Сверху, что ли? Так чего ж раньше не напал? Или они решили тут все обделать, чтобы покойничков тащить ближе к транспорту?

– Антон, я видел, как мимо окна шмыгнула черная «восьмерка». Это тебе ни о чем не говорит?

– Черная? Постой!.. Ну да, черная нас и преследовала... Когда? А вчера же... или нет? Чего-то я совсем запутался в днях...

– Может, в постелях? – ухмыляясь, тихо произнес Щербак, но Плетнев услышал.

– И в этом – тоже. Эл, сегодня какое число?

– Во дает! – Щербак помотал головой. – Двадцать второе сегодня.

– Правильно, – сказал он, расстегивая куртку на лежащем довольно молодом еще, круглолицем парне с кривым шрамом по левой щеке и серой челочкой. А от глаз его шли вниз по щекам кровоточившие царапины. – Слышь, Коль, чем ты его? Он еле дышит.

– Я-то? Кувалдой, – он поднял кулак, небольшого, в общем-то, размера. Как он говорил обычно, показывая кулак тому, кого допрашивал: «Не в размере, парень, дело, надо им владеть умело!» И те, понимая, что он имел в виду, «кололись» орешками.

– Ну, а на морде порезы – это, надо понимать, ты постаралась? – Антон взглянул на Элку и покачал головой: – Настоящая боевая подруга! И себя защитила, и друга предупредила. Вот какие бабы у нас, Коля, замечательные. Ты согласен?

– На все сто. – Он только теперь обратил внимание на Галю, которая стояла на верхней площадке и в ужасе прижимала ладони к щекам. Глаза у нее были в буквальном смысле квадратные.

– Вот, какая у нас работа, видишь, Галочка, поэтому и трудно гарантировать какие-то сроки... Вот врезали бы Антону этой трубой, – он кивнул на железный обрезающий резак, – и нет дяди Антона, и друзья плачут, видишь, как все неустойчиво в нашем мире.

Галя продолжала молчать, с подавленным уже видом. Как он может шутить, когда... Ужас.

– Антош, ты не смотри документы, просто вы-гребай, что в карманах. Да, скотч у тебя есть?

– Да, в багажнике.

– Подгоняй свою задом, этого пакуем и в багажник, потом разберемся, а то девочки на работу опоздают.

Антон показал Элке: мол, присмотри за этим, а если голову поднимет, каблуком в лоб, и выскочил из подъезда. Заурчал мотор, и через минуту вошел Плетнев с мотком скотча и несколькими целлофановыми пакетами. Щербак снова перевалил «своего», завел обе руки его за спину и ловко стянул их несколькими мотками липкой ленты. То же самое сделал и с ногами.

– Пакеты – это ты молодец, я забыл сказать. – Давай, аккуратно складываем все их барахло. И выносим этого.

Длинный бандит был засунут в багажник «тойоты», еле ноги затолкали и захлопнули крышу. Ту же операцию проделали со вторым. Причем Антон отъехал, а подал свою «девятку» Николай. После чего последовала команда к дамам – занять свои места. У каждого из них был свой маршрут, но конечная цель – одна, агентство «Глория».

К служебному выходу агентства, – так уж вышло, – они подъехали практически одновременно. Вышли.

– Ну, как твоя? – спросил Антон.

– Подавленное молчание, – ответил Николай. – А перед тем как выйти, кинулась на шею, прямо как первая любовь, чуть не разревелась. Я ей нос платком вытираю, а она всхлипывает: «А если б тебя убили, что бы я делала?»

– Смотрю, у тебя серьезно...

– Да что ты, я никогда не вру, сказал, что есть семья, но отношения – так себе... Она прекрасно поняла. Нет, она хорошая женщина. А ты?

– Если б не Элнины страдания и старания, так бы и осталась девушка невинной. И смех и грех, – засмеялся Плетнев. – Ну, ладно, это – при себе, давай выгружать. Только как будем объяснять, почему вместе в одном доме оказались? Ты ж ведь не в курсе того, что вчера было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.